

дана

мнова

*Р. Рамберг,
магистарски
лиме*

Annotation

Живешь себе спокойно и живешь, как вдруг — бац, и тебе приходит гербовая бумага с печатью, в которой стоит твое имя и имя вампира, которому ты будешь отдана на закате второго дня с момента получения бумаги. Как тут не поплакать и в обморок не упасть? Только вот что-то с этим вампиром не так! И есть — не ест, и домой не отпускает. Прямо ни себе, ни людям!

Отдельное огромное спасибо
моей вдохновительнице
Ольге Умновой и бете Алисе Дорн.

Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем,
Чтоб мои над тобой трепетали мечты,
Как стремится ручей мелодическим пеньем
Заласкать наклонившихся лилий цветы,
Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновеньем
Ты шептала: «Опять! Это — ты! Это — ты!»

О, я буду воздушным и нежно-внимательным,
Буду вкрадчивым, — только не бойся меня,
И к непознанным снам, так желанно-желательным,
Мы уйдем чрез слиянье ночи и дня,
Чтоб угаданный свет был как будто гадательным,
Чтоб мы оба зажглись от того же огня!

Я тебя обожгу поцелуем томительным,
Несказанным — одним — поцелуем мечты,
И блаженство твое будет сладко-мечтательным,
Между ночью и днем, у заветно черты,
Чтоб, закрывши глаза, ты в восторге мучительном
Прошептала: «Опять! Ах, опять! Это — ты!»

К. Бальмонт

Притихший ветерок колышет ветки деревьев, листья шуршат как-то приглушенно, будто чего-то опасаясь. А, может, мне все это только кажется. Сколько я уже так сижу у окна? Час? Два? Да нет, я села к окну, как только солнце встало, а оно уже в зените. Скорее всего, это последний день, когда я увижу солнце...

Ну почему я? Почему, скажите мне? Почему именно мне назначили вампира? Ну, ничем же вроде бы не отличаюсь, а вампиры испокон веков брали себе только самых красивых людей. Зачем я-то понадобилась? Нет, я, конечно, не уродина, но все равно есть и краше. Почему?

Слезы привычно не полились, я выплакала все еще вчера. Теперь я уже смирилась и наслаждалась солнцем, скорее всего, в последний раз в жизни...

— Дели, пойдем обедать, — тихо позвала мама.

Я не шелохнулась.

— Делия, ты не можешь просидеть весь день неподвижно, — вздохнув, сказала мама.

Я снова не пошевелилась, разглядывая, давно увядший и лишь чудом сохранившийся, лист дерева в солнечном свете, я почти ее не слышала...

— Ох, Делия... — мама подошла и села рядом. — Ну что ты, девочка моя, все сидишь и сидишь...

Я молча подвинулась и прислонилась к маме, не отрывая глаз от солнечных бликов.

— Дели... — мама стала гладить меня по голове. — Ну, хоть поплачь, ну что ты как каменная сидишь?

— Жаль, что я больше не увижу солнца, — тихо сказала я.

— Глупости, какие, конечно, увидишь! — попыталась разуверить меня мать, хотя и она знала, что это неправда. — Ты же не будешь все время сидеть дома.

— Вампиры не могут смотреть на солнце.

— Девочка моя, — мама смахнула слезы... А что еще остается, когда твою дочь отдают вампиру, и с этим ничего нельзя поделать? Договор был заключен давно. Вампиры защищают границы нашей страны, а мы, люди, взамен поставляем им кровь и жертв. Говорят, что вампирам нужно время от времени практиковаться, чтобы не потерять навык! Хотя, конечно, это просто для устрашения и демонстрации силы вампиров, однако, люди поперек ничего сказать не смели. Да и не были вампиры слишком алчны. Один-два человека из города (чаще всего девушки) в год, не более того. Этих людей потом встречали уже в облике вампиров, с некоторых пор вампиры перестали убивать людей.

— Вампиршей быть, конечно, почетно, но это совсем не то, что я хотела! Я хочу рисовать, хочу писать пейзажи, и не только ночные! Я люблю солнце, люблю природу, люблю воду и безоблачное небо. Я не хочу быть вампиршей! Я хочу видеть солнце!

— Ну, у вампиров есть куча достоинств в противовес этому. К тому же, ты будешь видеть ночью также как днем. Так чем хуже?

— Но ночью нет солнца! Ночью только луна и звезды!

На церемонию передачи нужно было явиться на закате второго дня после извещения, то есть сегодня вечером. А для церемонии нужно было подготовиться. Ну, собственно, от жертвы требовалось немного, смириться с мыслью о вампирах, утереть слезы и соответственно одеться. Взять с собой разрешалось только то, без чего бы я не могла жить. Конечно же, для меня это были мои художественные принадлежности. Я могу обойтись без чего угодно, но только не без рисования. Я не могу не рисовать. И пусть мне уготована такая страшная участь, я все равно буду продолжать заниматься живописью. Таким образом, я сложила в сумку свои самые любимые работы и то, чем я их создала. А вот с нарядом были проблемы. Вся моя одежда была яркой, солнечной, насыщенной жизнью. У меня не было черных вещей, а на церемонию необходимо было явиться именно в черном платье. За платьем пришлось идти в магазин, однако никакой радости от обновки я не получила. Было такое ощущение, что я выбираю наряд для похорон, да и цвет был соответствующий. Мама очень старалась меня развеселить, или хотя бы расшевелить, но у нее ничего не получалось. Впервые за два дня я улыбнулась только, когда мама купила мне набор цветных мелков. Это был подарок, прощальный подарок...

Мы вернулись домой за час до заката. Время осталось только на сборы и прощанье. Взглянув на себя в зеркало перед выходом из дома, я даже не поняла, что это мое отражение. На меня смотрела невысокая девушка в черном длинном платье, черный лак на ногтях, яркая помада на губах, лиловые тени на веках. Мои каштановые волосы были завиты и мягкими волнами спадали на плечи, я никогда не делала такую прическу. Наверное, я была сейчас красива как никогда в жизни, особенно зелено-желтые глаза, смотрящие куда-то в

пространство.

Боги, как хочется заплакать, но слез уже нет... их больше нет... я выплакала их вчера.

Сама церемония прошла для меня незаметно, как будто в тумане. Заполнялись какие-то бумаги, оформлялись документы, что-то говорилось, что-то писалось. Где-то требовалось поставить подписи. Я делала все, что мне говорили, на автомате, абсолютно не соображая, что происходит. Разумом овладело какое-то безразличное отупение...

Я опомнилась только тогда, когда за мной закрылась дверь. Вампир, которому я была отдана, прошел в гостиную, а я так и осталась стоять в прихожей. Наверное, он мне что-то сказал, а я привычно пропустила мимо ушей. Господи, что со мной происходит? Да и вообще, со мной ли? Может, это просто сон? Да нет, навряд ли. Что же мне теперь делать?

Я осмотрелась. Обычная квартира, я таких много видела, разве что свет не горит, но это легко исправить. Я щелкнула выключателем, и прихожая озарилась обычным электрическим светом, стало видно красивые деревянные панели, за которыми были скрыты стены. В углу — большой шкаф, рядом с ним зеркало во всю стену. Напротив — скамеечка для удобства, небольшая тумбочка. Нет ничего, что бы я не видела. Я посмотрела на себя. Все то же черное платье, спокойно висящие вдоль туловища руки. А вот это уже что-то новенькое. Черный перстень на руке, наверное, надели на церемонии передачи. Может, это что-то типа клейма? Я, кажется, видела что-то подобное на руке еще одной девушки, отданной вампиру, год назад. Наверное, так помечают укушенных вампиров. Ну и бог с ним, красивое колечко вообще-то, с камушком. Ой, а это что? Бриллиант? Какой щедрый вампир оказался. Как его, кстати, зовут? Я же слышала, нас представляли. Ну, давай, вспоминайся. Стефан, точно. Стефан Варна.

Тут из гостиной показался назначенный мне вампир. Высокий мужчина, с головы до пят в черном. Особенно черными казались распущенные волосы, которые были длиннее моих раза в два. Вот он одним, неуловимым простым смертным движением откидывает упавшие на глаза пряди, и я, наконец, увидела его лицо. Нет, я, конечно, наверное, и раньше видела, но внимания не обратила. Вообще-то я всерьез собиралась упасть в обморок, однако, увиденное повергло меня в шок, а не в ужас, даже пошевелиться стало как-то проблематично. Нет, разумеется, я видела вампиров и раньше, но никогда — так близко и при свете (днем-то они прятали свои лица под капюшонами). Я всегда считала вампиров абсолютно непривлекательными существами, излишне худыми, чересчур высокими и совсем не красивыми. Ну, сами посудите, как могут привлекать кроваво-красные глаза? А жуткая бледность кожи? Поэтому-то я и собиралась при первой же возможности упасть в обморок и постараться, как можно дольше в нем пребывать. Однако каково же было мое удивление, когда я поняла, как глубоко заблуждалась насчет вампиров. Стоящий передо мной вампир обладал удивительно симметричными и пропорциональными чертами лица, он мог служить прекрасным примером для обозначения идеального человеческого лица. Наверно, это из-за того, что они уже пару веков забирают в свои ряды самых красивых людей. Эту гармонию и симметрию не могли испортить ни прищуренные красные глаза, ни болезненная бледность лица, ни оттеняющие его какими-то серыми тонами длинные черные волосы.

— Что-то не так? — такой простой вопрос заданный вкрадчивым низким голосом таки поверг меня в ужас, и я, наконец, благополучно упала в обморок. Хотя, скорее всего, это из-за недосыпа и «недоеда». Сами посудите, какой сон и еда, когда знаешь, что тебя завтра (или уже сегодня) отдадут вампиру. Осталось надеяться, что он меня укусит, пока я без сознания

и на том все и кончится.

Моим надеждам, впрочем, не суждено было сбыться. Очнулась я скоро. Судя по часам, на которые я украдкой взглянула, я не пробыла без сознания и пяти минут. Обнаружила я себя лежащей на диване, голова все еще немного кружилась, но, в общем, состояние было удовлетворительным. Пошевелив головой и для верности проведя по шее рукой, я поняла, что укусить меня никто так и не удосужился. Вот не везет! Когда я теперь в обморок еще раз упаду?

— Что есть будешь? — опять этот вкрадчивый голос, таким только вампиры и могут говорить.

Я резко села на диване и поскорее схватилась за спинку, голова кружилась нещадно.

— Есть что будешь? — так и не дождавшись ответа, повторил свой вопрос Стефан. Я продолжила тупо на него пялиться. Нет, а что я должна ответить?

— Н... ничего, — осторожно, на пробу сказала я.

— Я же не спрашиваю, будешь ли ты есть. Я спрашиваю, что ты будешь есть. Как насчет рыбы?

Я судорожно кивнула. Лишь бы только отстал. Вот я дура, еще и спорить с вампиром решила! Послышался звон посуды где-то в смежной комнате и вскоре вампир снова появился в дверном проеме.

— Пойдем, — позвал он. Я поспешила исполнить его желание. Уверившись, что голова более-менее в норме, я осторожно подошла ближе к Стефану, тот, впрочем, развернулся и пошел куда-то в темноту. Я последовала за ним и тут же уперлась лбом в стену.

— Извини, забыл, что ты пока не видишь в темноте, — вместе с его голосом зажегся свет.

Пока не вижу? Вот черт! Ну, за что мне все это?

Я осмотрела кухню-столовую. Обычная кухонная мебель, выдержанная в темных тонах, на столе ужин на две персоны. Он что, тоже будет рыбу кушать? Оказалось, что будет, и не только рыбу, но и картошку, и какой-то салат. А вот пить он изволит не вино, которое налил мне. Собственно, я и не сомневалась.

— А теперь, думаю, тебе лучше поспать, — сказал Стефан. — Пойдем, я покажу тебе твою комнату.

Я беспрекословно последовала за Стефаном, внутренне содрогаясь. Вот сейчас-то он меня и укусит! Но он этого не сделал, ни когда мы шли по темному коридору, ни в темной комнате, которую он назвал моей.

Он беззвучно вышел и закрыл за собой дверь. Блин, да что такое? У них тут, что сначала откармливают и «отсыпают», а потом уже свеженький продукт потребляют? Не все ли равно, когда и как кусать?

Но, видимо, не все равно, так как, проснувшись утром (это я определила по наручным часам, ибо окна были все наглухо закрыты какой-то пленкой, толком не пропускающей свет) я снова не обнаружила на шее никаких следов укуса. Собственно, мое вечернее недомогание тоже пропало, и теперь я уже осмысленно осмотрелась. И опять не обнаружила ничего парадоксального. Те же темные тона, обычная мебель, черные занавески на закрытых окнах. Я подошла к окну, дернула за шпингалет и потянула на себя. Комнату залил утренний свет. Он не был ярким, но после полумрака ночника казался ослепительным. Я вдохнула полной

грудью, подставила лицо свежему ветерку. Солнце! Как же я рада тебя снова видеть! Какое это счастье!

Послышался тихий стук, и дверь отворилась, я резко обернулась и успела заметить, как вампир, собравшийся было войти, сделал шаг назад и остался за порогом в тени.

— Доброе утро.

Я судорожно кивнула, боясь, что сказать что-нибудь приветственное будет сложно, и неосознанно отступила к окну.

— Зачем ты открыла окно?

— А... солнце... я...

— Ты думаешь, от пары лучей из окна что-нибудь произойдет?

Я запоздало поняла, к чему он клонит, и поспешно замотала головой.

— Нет, я просто люблю солнечный свет, а здесь темно. Я не хотела... — я поспешно стала закрывать окно.

— Оставь, если ты любишь солнце. Только больше нигде не открывай.

Я с ужасом воззрилась на вампира, оставив окно в покое. Потом спохватилась и кивнула, язык меня плохо слушался. Вампир какое-то время на меня смотрел, потом, видимо, что-то для себя решил и заговорил:

— В пределах квартиры ты можешь перемещаться свободно. Для тебя нет никаких запретов, ну, кроме окон, разумеется. Делать ты можешь все, что захочешь. Однако, пока только в квартире, чуть позже ты сможешь выходить и на улицу. Если возникнут какие-то вопросы, меня ты сможешь найти в моей комнате.

Вампир бесшумно растворился в коридоре, я же еще какое-то время продолжала тупо смотреть на то место, где он только что был. Нет, он меня кусать собирается или нет? И что это значит, что чуть позже я смогу выходить на улицу? Я поскорее закрыла дверь и уселась на подоконник, радостно отдирая пленку от окон. На нем я и просидела до самого обеда, точнее, до того момента, когда поняла, что безумно хочу, есть, ибо не завтракала. Опасливо выглянув в коридор, и так и не увидев ничего (темнота только иногда друг молодежи), я вышла на свой страх и риск из залитой дневным светом комнаты. Так и не дождавшись вселенской катастрофы (даже потолок на голову не упал) я отправилась на кухню, удовлетворять потребности желудка. Идти я старалась как можно тише, каждую секунду ожидая выскакивающего из темноты вампира. Но, как известно, чем больше стараешься, тем хуже получается. Не знаю, что такое впотьмах я задела, но грохоту было!.. Хотя нет, упало что-то одно и покатилося по полу, но в тишине квартиры это прозвучало как взрыв бомбы. Не прошло и нескольких мгновений, как вампир появился на кухне. Как я и предвидела, появился внезапно, словно вырос из темноты в метре от меня. Я инстинктивно отшатнулась, и грохоту прибавилось. Вампир сделал шаг навстречу, я решила от греха подальше зажмуриться. Толку от этого грохота, все равно укусит! Прошло одно томительное мгновение, и я почувствовала, что меня осторожно, но жестко переставили подальше от места происшествия. В следующую секунду я услышала звук, больше похожий на собирание кусочков стекла. Подумав немного, я все же открыла глаза и потянулась к выключателю. Вспыхнул свет, заставивший вампира прищуриться, и я поняла, что первой на пол упала позолоченная миска без фруктов, а вот вторым я уронила бутылку с... кровью. Ею теперь был залит пол кухни. Ужас, какой! Я благополучно провалилась в обморок. А ведь еще вчера думала, что больше возможности не представится. Какой там, живя с вампиром под одной крышей, можно пять раз на дню в обмороки падать. Очнулась я на том же диване, что и

вчера. Первое, что я увидела, это нависшего надо мной вампира, от чего чуть снова не вернулась к предыдущему состоянию. Однако Стефан хорошенько потрянул меня за плечо и отодвинулся подальше.

— Пришла в себя?

— Кажется... — пробормотала я, понимая, что вампир всего лишь приводил меня в чувства.

— Тогда пойдем обедать.

Я безропотно подчинилась и с содроганием снова вошла в кухню, где специально для меня горел свет, хотя в кои-то веки предпочла бы темноту кровавому пятну на полу. К моему удивлению, о произошедшем инциденте ничего не напоминало, а стол уже был сервирован на две персоны. Я украдкой глянула на часы. Ничего себе! Да я в обмороке почти час была! Неудивительно, что Стефан заволновался. Хотя, скорее, просто устал ждать, когда я сама очухаюсь. Я послушно села за стол и стала есть. Не знаю, сам ли вампир это готовил или просто разогрел, но было очень вкусно. К моему несказанному удивлению, сегодня он вместе со мной пил сок. Ой, так я же разбила у него бутылку с кровью...

— Извини, — выдавила я из себя.

Вампиру удивленно поднял голову от тарелки.

— За что?

— За бутылку и вообще...

— Пустяки, — качнул головой Стефан. — Только впредь включай, пожалуйста, свет, если не видишь, куда идешь.

Я торопливо кивнула и уткнулась в чашку. Покончив с едой, и скомкано поблагодарив, я было собралась мыть посуду, однако, вампир только махнул на меня рукой и сам загрузил посуду в машинку. Я быстренько ретировалась к себе в светлую комнату, а то еще что-нибудь собью. Остаток дня я безвылазно провела у себя в комнате, не выходя без крайней нужды. Услышав вечером, что Стефан собирается уходить, я очень обрадовалась и выползла из своего дневного убежища, которое с заходом солнца утратило всю свою надежность. Воспользовавшись отсутствием хозяина и его же разрешением делать, все что захочу, я решила осмотреть квартиру, дабы точно знать, что и где я могу сбить случайно, а что — нарочно. Повключав везде свет, я стала планомерно обходить квартиру. Совершенно обычная мебель, дорогая и довольно стильная, преимущественно неяркие тона, делающие и без того темную квартиру еще более угнетающей. Помимо своей комнаты, кухни, прихожей, санузла и гостиной я нашла еще две комнаты, почти точные копии моей, небольшую кладовку в неприметном закутке коридора и вот теперь я стояла перед дверью четвертой комнаты, которая принадлежала хозяину всей квартиры, и размышляла. А распространяется ли разрешение на эту комнату? Вспомнив, что ограничения касались только окон и улицы, я здраво рассудила, что меня не убьют, если я загляну в его комнату. Увиденное не повергло меня в ужас, но и радоваться я тоже не спешила. То, что по углам не лежали трупы людей, я могла предположить и сама. Не убивают вампиры последние двести лет. Кровь разлита тоже нигде не была. Но вот какой беспорядок творился в комнате! Кругом лежали книги, висела одежда, стояли бокалы. Кровать была убрана, но изрядно смята, книжная полка, стоящая в углу, была наполовину пуста, а статуэтки, которые по замыслу должны перемежаться с книгами, были собраны на одной полке в кучу. Вот такой неряха, этот назначенный мне вампир! Осмотрев комнату, я поспешно скрыла все следы своего пребывания, где бы то ни было, выключила везде свет, быстренько поужинала и снова спряталась у себя. Слава богу,

еще один день прожила. Хотя мне теперь не за дни надо беспокоиться, днем-то я в относительно безопасности у окна. Мне надо ночей опасаться! Вот когда я действительно беззащитна перед лицом клыкастой опасности!

Так прошло несколько дней. Большую часть ночи я спала, остальную — старалась не высовываться из своей комнаты, днем то же самое делал мой вампир.

Солнце уже село, оставляя за собой серый свет, меркнувший с каждой секундой. Я отложила кисти и критически осмотрела еще неоконченный пейзаж на тему: «Вид из моего окна». Вскоре я лишусь возможности видеть солнце по-настоящему, а так хоть бы на рисунках оно будет сверкать, не обжигая.

В дверь тихо постучали, и на пороге появился вампир. Я с ужасом воззрилась на него, привычно потеряв дар речи и так и застыв с занесенной рукой с кистями.

— Добрый вечер, — снова этот вкрадчивый голос.

Я, наконец, опустила руку с кистями и дернула головой, обозначая не то приветствие, не то согласие.

Повисло молчание. Я ожидала чего угодно, ну, хотя бы, пояснения причин этого визита. Столько времени ни приветов, ни ответов, и тут на тебе в гости пожаловал. Или пришло время меня укусить? Эх, подождал бы еще дня два, ну хоть бы один, я бы закончила картинку, а потом хоть в гроб, хоть под венец.

— Ты так и будешь все время сидеть в комнате? — наконец спросил вампир.

— А что? — я промыла кисти, спрятала картину, собрала краски, лишь бы только не смотреть на вампира.

— Но ведь нельзя же все время сидеть в одной комнате, — заметил вампир.

— А какая разница, в какой комнате сидеть? — осторожно заметила я.

— Тогда почему ты не выходишь отсюда? — резонно спросил вампир.

— Здесь есть свет, — волей не волей пришлось взглянуть на вампира, не смотреть же в пол. Эх, жаль, руки занять нечем, хоть было бы не так заметно, что они дрожат.

Вампир еще немного постоял на пороге, бросил косой взгляд на открытое окно, молча поклонился по вампирскому обычаю, впервые на моей памяти, и вышел. Обиделся, что ли? Я подкралась к двери и прислушалась. Тишина. Постояла так с минутку и снова прислушалась. Ни звука. Тогда, собравшись с духом, я открыла дверь и шагнула в темноту коридора. Пару раз моргнув, я, к своему несказанному удивлению и страху, увидела свет в конце туннеля, точнее, что-то серое в конце темного коридора. Бояться нужно неизвестности, а я прекрасно знаю что, а точнее, кто меня там ждет. Решив, что уж чему быть, того не миновать, я зашагала вперед к свету, бледному неясному. Войдя в гостиную, я увидела открытое окно и темный силуэт на его сером фоне. Вот это новость! Зачем, интересно, хозяин квартиры сам открыл окно, да еще и встал там? Ностальгия?

Вампир тем временем обернулся и посмотрел на меня. Вспыхнули две красные точки, и я ощутила на себе взгляд вампира, его ни с чем не спутаешь. Этот тяжелый, чаще всего равнодушный или изучающий, не упускающий ни одной детали взгляд всегда грузно ложился на плечи смертных, однако, сейчас я так и не почувствовала гнева, подавленности или угнетенности. То ли я привыкла к вампиру, то ли он смотрел все же как-то не так.

— Присаживайся, — видимо, у меня выработался стойкий иммунитет ко всем выходкам вампира, так как его глубокий бархатистый голос не вызвал у меня привычной дрожи и нового ступора. Не зря говорят — человек ко всему привыкает. Видимо, я устала бояться.

— Можно, я свет включу?

— Пожалуйста, — вампир неопределенно повел плечами.

Я быстро щелкнула выключателем рядом стоящего бра и села в кресло. Вампир удивленно приподнял бровь, однако вслух ничего не сказал. А что, собственно, такого? Мне не нужен ослепительный свет, чтобы ориентироваться в пространстве, а от страха я, кажется, благополучно избавилась. Вампир тем временем отошел от окна и присел на диван. Я только сейчас заметила у него в руках книгу. Пауза затягивалась, и я уже собиралась спросить что-нибудь о книге, как вдруг в дверь позвонили. От неожиданности я вздрогнула и с ужасом уставилась в темный коридор. Вот уж кто-кто, но гости за время моего здесь пребывания, сюда не приходили. Да я и вообще сомневалась, что вампиры ходят друг к другу в гости, предположить же, что в гости к вампиру пришел человек, вообще невозможно.

Сам вампир спокойно поднялся и пошел открывать, я за ним, но исключительно для того, чтобы успеть, вовремя, ретироваться в свою комнату. Кто там говорил, что привык к вампирам? Черта с два. Как только в квартире число вампиров увеличилось, на место вернулись прежний страх и прежний ступор. Делаем вывод: бояться я перестала только одного вампира.

— Безлунной ночи, Стефан, ты что такой хмурый? — спросил новоприбывший.

— Ночи, Гарнс, — ответил Стефан.

— Я не вовремя?

— А-а, — махнул рукой Стефан. — Тут никак во время не придешь.

— Что так?

— Да знал бы раньше, что с людьми так сложно, в жизни не стал бы затевать всю эту канитель! — воскликнул Стефан и снова замолчал.

— Что, все так плохо?

— Я не знаю, — коротко ответил Стефан, разлил кровь по фужерам и подал один из них гостю.

— Как понять, не знаешь? Как она пережила превращение?

— Никак, она еще человек, — ответил Стефан, смакуя кровь.

— Чего? — не понял Гарнс.

— Я ее не кусал.

— В смысле, не кусал? Слушай, ты вообще в своем уме? А что ты с ней тут делал? На кой тебе человек в доме, если ты его кусать не будешь?

— Буду, но позже.

— Когда? Когда ты собрался это сделать? Надо было сразу же, как привел, укусить, и сейчас она бы уже была вампиршей.

— Ага, и всю жизнь бы помнила день своей инициации как самый страшный и несчастный день? Я не хочу этого и не буду кусать ее без ее согласия. Я не хочу ее ни к чему принуждать.

— Эдак ты до морковкиного заговенья будешь ждать. Чтобы человек добровольно согласился стать укушенным? Эх ты хватил, — расхохотался Гарнс.

— Значит, буду ждать, — упрямо кивнул Стефан.

— Слушай, друг, ты что, и вправду решил, что можешь уговорить ее на добровольное обращение? — теперь уже всерьез обеспокоился Гарнс.

— Рано или поздно она согласится.

— Скорее поздно, чем рано, а, может, и никогда. А скоро вообще пронюхает твою

позицию по поводу кусания и на шею к тебе сядет. И будешь ты, как Исиндар, вечно ждать знака.

— Вечность слишком долгий срок и даже Исиндар столько ждать не может, и если Мента обещала ему, что знак будет, значит, он будет не через вечность, а раньше, чтобы Исиндар мог его увидеть.

— Идеалист, — всплеснул руками Гарнс. — Неужели ты всерьез полагаешь, что обещанный Ментой знак когда-нибудь появится, и вампиры смогут увидеть солнце?

— Я в это верю, — совершенно искренне сказал Стефан.

— Вот из-за таких как ты и Исиндар вампирята до сих пор и верят в сказки про солнце, — в сердцах воскликнул Гарнс.

— Оставим этот спор, он длится уже не один век, — примирительно сказал Стефан.

— А с ней ты что будешь делать? — Гарнс безошибочно кивнул в сторону комнаты Делии.

— Не знаю, — тяжело вздохнул Стефан.

— Так укуси, и дело с концом.

— Нет, насильно я ее кусать не буду. Она и так боится, сама не знает чего, а если я еще ее и укушу, она вообще... — вампир неопределенно махнул рукой.

— Ну, тогда подойти к ней, объясни, что и зачем ты сейчас сделаешь, — посоветовал Гарнс.

— Ага, она на меня посмотрит как на умалишенного и снова в обморок грохнется.

— Тогда я вообще не понимаю, чего ты ждешь. Случай явно безнадежный. Какое тут добровольное согласие? Дай бог бы насильно обратить.

— Я не буду обращать ее насильно, — Стефан с силой опустил фужер на стол, тот жалобно зазвенел.

— Да, не будешь, и что дальше? Так и будешь с человеком жить?

— Если понадобится — буду, — отрезал Стефан.

— Дурак ты, честное слово.

— Посмотрим, — философски пожал плечами вампир.

— Что ты согласишься? Как она будешь изо дня в день тебя бояться? Ты же знаешь, как мы действуем на людей?

— Между прочим, до того как ты пришел, она сидела здесь в этом же самом кресле и не боялась. Люди, знаешь ли, ко всему привыкают.

— То, что она к тебе привыкнет, не значит, что она добровольно согласится стать вампиршей. Да и к тому же, где она сейчас? Два вампира, и она снова прячется и боится? А как ты с ней в обществе будешь появляться? К тому же, скоро она освоится и спросит у тебя, за каким же чертом ты ее сюда приволок и что намерен делать! И что ты ей на это скажешь?

Стефан тяжело вздохнул. На эти вопросы он и сам не знал ответа.

От двух вампиров в квартире стало не просто страшно, как при одном их представителе, а жутко. У них что, аура страха? Аж мороз по коже...

Весь вечер я просидела в комнате, пытаюсь побороть страх. Безуспешно. Не помогли ни уговоры, ни запреты и приказы. Я все равно боялась, боялась до дрожи в руках, до полной недееспособности. Да что же это такое, в самом деле? Ну что со мной будет? До сих пор жива, да и убивать меня точно никто не собирается. Укусят, выпьют чуть-чуть крови и все! Чего же я так боюсь? Самого факта присутствия вампиров? Это глупо! Что один вампир, что

два? Разница только в количестве, но один вампир ничем не страшнее другого. Чего же я так боюсь, что не могу уже час встать с кровати? Так не пойдет. Я резко откинула одеяло и встала на пол. Тусклый свет ночника показал мне в зеркале перепуганную маленькую девочку, отчаянно таращившуюся в зеркало. Я так совсем тут с ума сойду! А ну-ка хватит бояться не знамо чего!

Дверь тихо хлопнула, гость сел в лифт и исчез из квартиры и из моего восприятия. Страх пропал, все снова стало как обычно. Я поскорее забралась в постель и, успокоившись, уснула. Наверное, мне показалось, что дверь в комнату тихо приоткрылась и через некоторое время снова тихо закрылась.

«Спит. Даже не пошевелилась, когда я вошел. Все-таки она привыкнет ко мне, а на других наплевать. Даже если она не захочет быть вампиршей, ну и пусть. Пусть остается человеком, но насильно я ее кусать не буду».

Я закончила картину, сделала два шага назад, чтобы полюбоваться своим творением, и наткнулась на что-то спиной. Полсекунды ушло на то, чтобы понять, что до стены еще добрых полметра. Я отпрянула, резко развернулась и увидела недобрый прищур рубиновых глаз. Кисти выпали из рук, крик так и остался, не вырвался наружу.

— Ты замечательно рисуешь, — как ни в чем не бывало, сказал вампир, нагнулся, поднял кисти, подал мне. — Можно? — он испросил позволения поближе ознакомиться с работой.

Я судорожно кивнула, автоматически беря кисти и с силой сжимая в кулаке. Вампир подошел к картине и долго смотрел на нее.

— Значит, так выглядит твое солнце, которое ты так любишь? — после долгого молчания, сказал вампир.

— Да так, — осторожно ответила я. — Только оно не мое.

— А чье?

— Да ничье. Просто Солнце.

— За что же ты тогда его любишь?

А действительно за что? Я всерьез задумалась.

— Оно светит и греет.

— Но можно жить и без этого, — возразил вампир. — Зачем же электрическое освещение и отопление?

Я всерьез озадачилась. Что такое электрическая лампочка по сравнению с солнцем? Как можно сравнить батарею с жаркими солнечными лучами? Но не спорить же с вампиром!

— Лампочка — это не то, — как можно нейтральнее ответила я.

— Почему?

— Ну... Солнце преображает все. На рассвете, разгоняя сумрак ночи, оно оживляет все предметы. У них появляется цвет, в полдень яркий свет позволяет видеть все до мельчайшей черточки. Блики и светотени, яркие контрасты. А вечером появляются полутона, мягкие цвета, золотые и лиловые оттенки закатного солнца, и мир превращается в сказку. Можно играть чистыми цветами, пускать солнечные лучи, золотить предметы. Солнце для меня — это все... — я оборвала себя на полуслове и застыла, с полным осознанием того, что только что натворила.

— Да, хотел бы я это увидеть, — неожиданно сказал вампир и коснулся пальцем

оранжевого диска на картине.

Я облегченно вздохнула.

— А луна и звезды? — снова спросил вампир.

— Ночью тоже хорошо, но темноту на полотнах рисовать бесполезно.

— А зачем рисовать темноту? Нарисуй саму ночь. Ведь она очень красива и грациозна.

Она приходит незаметно, проводит шуршащим плащом над нашими головами и стирает все заботы дня. У нее свои особые цвета, звуки и запахи. С ней можно поговорить, в ней можно раствориться, она заполняет все пространство и проникает даже туда, куда никогда не заходит день.

Интересно, а как видят мир вампиры? Особые цвета, звуки и запахи? У них просто лучше зрение, слух и обоняние, или они на самом деле все чувствуют иначе? Я слышала, что вампиры больше полагаются на свое чутье, чем на другие органы чувств. Как оно проявляется, что они чувствуют, что видят, как воспринимают? Ведь можно попробовать это нарисовать!

— А как ты видишь мир? — я все-таки набралась смелости и спросила.

— Боюсь, я не смогу тебе объяснить или показать, — развел руками Стефан. — Я не писатель, не художник и не музыкант. — Это просто нужно видеть, слышать, чувствовать. Ты хочешь это продать или оставить себе? — резко сменил тему вампир.

— Я хочу оставить это у себя, если ты разрешишь, я повешу ее здесь.

— Это твоя комната, и ты можешь делать тут что пожелаешь, — ответил он.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Мне пора, — сказал Стефан, мельком взглянув на часы. — Увидимся утром.

— Да, конечно, — я слабо кивнула.

Вампир развернулся и вышел, а я схватила новый лист и принялась рисовать. Как он сказал? «...Она приходит незаметно, проводит шуршащим плащом над нашими головами и стирает все заботы дня...»

Проснулась я поздно, потому что полночи рисовала, и первым делом взяла в руки изрисованный листок. Вот он, набросок. Совсем юная девушка со звездными, сияющими мудростью глазами в черном длинном плаще, медленно идет по лунной дорожке над миром, успокаивая и унимая все тревоги и волнения. Она смотрит куда-то вдаль, но видит все, знает все. С ее маленькой руки в разные стороны разлетаются звезды, мерцая в тиши, а над головой ярко сияет луна, обволакивая все своим серебряным светом. Конечно, все это еще нужно дорисовать и подобрать нужные цвета, но я уже сейчас вижу картину, как будто она уже стоит передо мной...

Я уже собралась было идти умываться и завтракать, как вдруг увидела, что у моих ног на одеяле лежит красивая резная рамка, точно по формату законченной мной вчера картины. Спасибо, Стефан! Я помимо воли заулыбалась, наверное, в первый раз после извещения о том, что меня отдадут вампиру.

Я рисовала целый день и к вечеру картина была закончена. Руку как будто кто-то направлял, краски ложились ровно и точно. Давненько я не рисовала с таким вдохновением! Подождав, когда краски подсохнут, и, удостоверившись, что все прорисовано так, как мне того хочется, я сняла лист с планшета и вышла с ним в темный коридор. Черт бы побрал это вампирское ночное зрение, не мог, что ли, свет хоть бы для порядка включить? Я осторожно, по стеночке, дошла до гостиной и, плюнув на все и вся, щелкнула выключателем. Вампир не пошелохнулся, только прищурился.

— Темно, — развела я руками.

— А ты что, вообще ничего не видишь в темноте? — спросил он.

— Как это ничего? Темноту вижу, — пожала я плечами.

— То есть, как? — не понял вампир.

— Ну, вот закрой глаза и увидишь темноту.

Вампир послушно и с явным облегчением закрыл глаза.

— И что? Это и есть твоя темнота? Тогда почему же ты постоянно что-то сбиваешь и ходишь так медленно?

— А ты что что-то путное видишь с закрытыми глазами?

— Я вижу все те же предметы, только немного иначе, без подробностей, в общих чертах, что и где. Это и есть темнота?

— Нет, — с сожалением покачала я. — Темнота — это когда ты не знаешь, за что зацепится твоя нога в следующую секунду, обо что ты споткнешься, что нащупаешь под рукой, где набьешь шишку и куда потом двигаться, чтобы включить свет и узреть какой погром ты натворила.

Вампир удивленно уставился на меня.

— Это как же так?

— А вот так, — пожала я плечами. Как объяснить человеку, то есть вампиру, что есть такое темнота, если темнота это отсутствие света, который он и так не видит.

— Тогда мне понятно, почему ты не любишь ночь, и так любишь солнце, — сказал вампир.

— Кстати, — я сочла момент подходящим и протянула ему свое новое творение. — Как тебе такая интерпретация ночи?

Стефан аккуратно развернул свернутую в рулон работу и окинул заинтересованным взглядом, долго что-то рассматривал, а потом изрек:

— Очень похоже, только цвета скорее больше фиолетовые, чем коричневые.

— Ты видишь ночь фиолетовой? — удивилась я.

— А ты коричневой?

— Нет, я вообще ночью цвета почти не вижу, все серое, но картину же нельзя нарисовать все черно-белое. А ты и ночью видишь цвета? — заинтересовалась я.

— Да, конечно.

— А при электрическом свете? — продолжила расспросы я.

— Он мешает больше. Чем он ярче, тем нечетче становятся контуры.

— О, ну вот теперь я могу тебе объяснить, что такое темнота. Для меня это отсутствие света, а для тебя его полное присутствие, когда не видно, что находится у источника света. Так что, судя по всему, если ты даже посмотришь на солнце, ты его просто не увидишь, так же как я ничего не вижу в темном углу, что бы там не было.

— Надо же, — Стефан очевидно глубоко задумался. — Кажется, я начинаю понимать, что такое темнота...

— Для тебя это скорее «светлота», и, кстати, спасибо за рамку. Она очень красивая.

— Подари мне эту картину, — неожиданно предложил Стефан, все еще всматриваясь в линии изображенной мною мадмуазель Ночь.

— А... э... хорошо, бери, — кивнула я.

— Спасибо.

Я ушла спать в каких-то растрепанных чувствах. С одной стороны я все еще находилась

в доме вампира под бдительным его присмотром, продолжая опасаться укуса за каждым поворотом, а с другой — я обнаружила, что судьба предоставила мне хорошую возможность понять жизнь вампиров. И хотя я продолжала бояться Стефана, я теперь начинала понимать и то, что вампиры не так уж и далеки от людей, как мне казалось раньше. Может быть, еще не все потеряно. Со Стефаном, по крайней мере, интересно, и он не запрещает мне рисовать. Хотя, по сути дела, он мне вообще ничего не запрещает, ну кроме улицы и окон, и ничего не заставляет делать. Он даже меня не укусил! Возникает вопрос, а зачем он вообще меня сюда привел, поселил у себя дома. Делай что хочешь, делай, как хочешь, все, что пожелаешь для тебя. Где тут смысл? В чем суть?

С этой мыслью я уснула и проснулась. Стефан еще не вернулся, на улице медленно разгорался рассвет. Щелкнул замок, хлопнула дверь, несколько шуршащих звуков и все стихло. Да он всегда так приходит домой утром, тихо и незаметно, истинный вампир. Ручка на двери повернулась, я поспешно закрыла глаза, сама не зная зачем. Я скорее почувствовала, чем услышала, что дверь открылась, и в комнату вошел вампир. Вот дура, перед кем притворяюсь?

— Доброе утро, — как всегда тихий и спокойный голос, однако, мурашки по коже не пробежали, привыкла я уже и даже вошла во вкус. — Если ты встанешь сейчас, мы можем вместе позавтракать.

Глаза непроизвольно распахнулись, брови поползли на лоб, рот я успела удержать закрытым.

— Если хочешь, конечно, — поспешно добавил вампир и растворился в темноте коридора.

С минуту я пялилась на пустое место, а потом подскочила как ошпаренная. Зачем же обижать гостеприимного хозяина таким неприкрытым удивлением? Я быстро надела поверх сорочки халат, провела расческой по волосам, влезла в носки и пошлепала на кухню. Завернув за угол, первым делом я увидела на столе пару йогуртов, тосты, варенье и чайную чашку, наполненную чем-то красным. Красным?

Я сглотнула и посмотрела на чашку еще раз. А вот слабо вам потягивать с утречка кофе рядом с пьющим из такой же чашечки кровь вампиром? Интересно, я смогу к этому привыкнуть и сама наливать ему кровь в чашку по утрам? Брр...

Я передернулась и поплотнее закуталась в халат.

— Что будешь? — как ни в чем не бывало, спросил Стефан.

— То же самое, только в чашку, пожалуйста, кофе.

Вампир озадаченно посмотрел на свою чашку.

— Ах, ну да, конечно, — кивнул Стефан.

— А чем ты вообще занимаешься? — спросила я за завтраком. Долго же я собиралась с духом и собралась только тогда, когда и дальше молчать было уже просто нереально.

— Я юрист, разбираю смешанные дела.

— Какие-какие? — не поняла я.

— Иски вампиров против людей и наоборот.

— А-а, — многозначительно протянула я. Вот скучища-то, какая! Тогда понятно, почему у него все так обстоятельно сухо и спокойно. Юрист он у меня. — Нравится?

— Скорее да, чем нет. По крайней мере, не скучно.

Не скучно? Вот уж не знаю, что может быть скучнее юриспруденции. Все эти законы и постановления, такая занудистика. Преподавали у нас в университете какое-то время Право,

так я добрую половину лекций проспала. Каким чудом зачет сдала, понятия не имею!

— И много исков предъявляют? — я продолжила тему исключительно за неимением лучшей.

— Достаточно, чтобы иногда случались авралы.

— А каких больше? Люди против вампиров или вампиры против людей?

— И тех и других вдосталь, иногда такая ерунда, но иногда бывают интересные случаи. Тебе, правда, это интересно?

— Если не вдаваться в подробности, то да.

— А если вдаваться?

— То я ничего не пойму, потому что проспала половину лекций по Праву. Хорошо, что лектор не замечал.

— Он у вас, что совсем плохо видит?

— Почему? Нормально, вроде бы.

— А как же он тогда не заметил?

— Ну, нас в аудитории много, целый поток, за всеми не уследишь, а так прикрыл глаза одной рукой, вторую на парту — типа что-то пишешь, и спи, пожалуйста.

— Надо же, — удивился вампир.

— А ты что ни на одной лекции не спал?

— Ну, нас не так много как вас, к тому же сразу видно, кто спит, а кто пишет, — пожал плечами Стефан.

Я прикинула, сколько у нас вампиров и как они соотносятся с людьми, потом прикинула количество вузов для вампиров и для людей и решила, что их и впрямь не так уж и много, чтобы можно было просто так спать на парах. Хотя при большом желании можно исхитриться.

Еще несколько дней пролетели незаметно. Мы со Стефаном теперь общались за завтраком и за ужином и потом вечером, пока меня окончательно не смаривал сон, а ему не нужно было идти на работу. В отличие от своей работы, Стефан не был скучным, хотя иногда его дотошность и обстоятельность раздражали, но с этим вполне можно было мириться. А вот что действительно казалось мне странным и даже каким-то ненормальным, так это патологическая серьезность вампира. Он никогда не шутил, не смеялся и даже не улыбался, не радовался, не восхищался. Его постоянными спутниками была сдержанная сосредоточенность и участливое внимание, иногда небольшое удивление или легкая грусть. Может быть, это, конечно, были издержки профессии, но все же такая непроницаемая сдержанность и спокойствие во всем, что бы ни произошло, постепенно начинали действовать на меня угнетающе. Я уже всерьез стала задумываться над вопросом, не обделены ли вампиры обычными человеческими чувствами и продумывала наиболее тактичную форму вопроса по этому поводу, как случай сам подкинул мне ответ.

Я читала какую-то из книг Стефана, когда в дверь позвонили. Если бы это был вампир, я бы сразу же это почувствовала. Выходит, по ту сторону двери стоял человек. Подождав для верности минутку и дождавшись только повторившегося звонка, я пошла открывать. Стефан, судя по всему, спал. Я не ошиблась, на пороге стоял молодой парнишка в курьерской форме.

— Господину Варне срочное письмо. Распишитесь в получении, — бойко отрапортовал он.

Я поставила свою замысловатую закорючку в нужном месте и закрыла дверь. Хм, срочное — это немедленно, или подождет, пока Стефан проснется? Перевернув конверт, я

прочла: «Вскрыть сразу же после получения». Что ж, придется будить вампира. Я уже уверенно прошла темный коридор и гостиную и подошла к двери в комнату Стефана. Пару мгновений потоптавшись на месте, я все-таки постучала.

— Стефан! Тебе тут что-то срочное принесли, — на пробу сказала я. Эффекта ноль. — Стефан?

Я повернула ручку и вошла в комнату. Глаза, привыкшие к темноте, различили в тусклом сером свете, просачивающемся от заклеенного окна, очертания кровати и лежащегося в ней вампира.

— Стефан, — подошла ближе. — Стефан, проснись, — я осторожно потрясла вампира за плечо и, так и не заметив никаких признаков пробуждения, сделала как раз то, чего мне не следовало делать ни под каким предлогом — включила ночник.

Абсолютно-синяя, давно уже не живая кожа, приоткрытые синие же губы с поблескивающими длинными клыками и распахнутые во всю ширь кроваво-алые глаза и совершенно незаметными зрачками. И вокруг всего этого ужаса в полнейшем беспорядке лежат черные волосы, покрывая подушку и лицо мертвеца.

Я сделала судорожный шаг назад, потом еще и еще, дикий вопль, наконец, сорвался с моих губ, и я пулей вылетела из комнаты и почти мгновенно оказалась в своей. Вот теперь-то я поняла, что такое страх животный, всепоглощающий, ничего не видящий на своем пути. Все, что было до того, были только мелкие цветочки. Теперь же меня била крупная дрожь, голос сел, глаза застилала какая-то пелена. Я, как слепая, натыкалась на все подряд. Наконец, я споткнулась обо что-то увесистое и полетела на пол. Вставать сил не было, так что я отползла к стенке, подтянула к себе колени и обняла их руками. Зрение возвращалось, дрожь не проходила, на голос мне было как-то наплевать. Я бы не удивилась, если бы он у меня совсем пропал. Так я не кричала никогда. Дверь рывком распахнулась, на пороге появился Стефан, я лишь слабо пискнула. Он был в одних пижамных штанах с растрепанными волосами, но уже вполне обычным для него цветом кожи, разве что чуть более серым. Писк привлек его внимание и в тот же миг он был уже около меня.

— Делия, — выдохнул он. Я даже внимания не обратила, что он впервые назвал меня по имени, лишь слабо дернулась в сторону от него, он тут же убрал протянутые руки и слегка отстранился. — Делия, я не... тебе не нужно меня бояться, я не сделаю тебе ничего плохого, я...

Тут он, похоже, заметил крупную дрожь и взгляд полный ужаса направленный даже не на него, а куда-то чуть в сторону.

— Делия...

Он стоял передо мной на коленях с опущенными вдоль тела руками и такой беспросветной тоской в глазах, что, если бы не абсолютное безразличие ко всему кроме страха, я бы, наверное, очень удивилась.

— Делия, ну скажи хоть что-нибудь! — неожиданно воскликнул он, и этот окрик вывел меня из ступора. Я перевела осмысленный взгляд на него и тут из глаз брызнули слезы и полились рекой, при всем своем желании унять бы их не получилось ни при каких условиях, да и желания особенно не было.

— Дели... — я почувствовала осторожное прикосновение к плечу и зарыдала в голос.

Не знаю, как так получилось, но скоро я уже благополучно рыдала на плече у вампира, а он бережно обнимал меня и что-то говорил. Я плакала, выпуская весь страх и боль последних дней, всю горечь и переживания. Когда поток слез исчерпал себя и судорожные

всхлипывания постепенно стихли, я прислушалась к голосу вампира.

— Ты ведь знаешь, что я вампир, чего же ты испугалась? Зачем...

— Предупреждать же надо, — в последний раз всхлипнула я и отстранилась. — Откуда же я могла знать, что вампиры на день умирают?

— Не умирают, а просто перестают жить, а потом вновь оживают.

— Да какая разница, все равно заранее надо говорить.

— И как бы я это тебе сказал?

— Ну, уж как-нибудь, — хотя сама это себе не представляла. — Другие же как-то узнают.

— Другие сами становятся вампирами, — пробормотал Стефан и поспешно сменил тему. — А зачем ты вообще-то приходила?

— Да там тебе какую-то фигню срочную принесли. Я не знаю, насколько это уж так срочно, но написано было, что открыть сразу же после получения.

— Где? — Стефан снова стал сама сосредоточенность и спокойствие.

— Да у тебя на тумбочке остался конверт, когда я убежала, — я махнула рукой в сторону его комнаты.

Вампир быстро поднялся на ноги и направился к двери. Увидев сильные ожоги на спине, я непроизвольно вскрикнула, Стефан тут же обернулся.

— Что?

— А... на спине...

— Пустяки, сейчас пройдет, — ответил вампир на так и не заданный вопрос, и я увидела, что на коже груди, куда падал свет, тоже начал постепенно появляться ожог.

— Это ты так и сидел на солнце? — я поскорее встала и задернула шторы, закрывая окно, попутно щелкая выключателем ночника, так как в комнате разом стало темно.

Вампир ничего не ответил, да ответ был очевиден. Однако не успела я задать вопрос, как кожа на груди выровнялась, и более уже ничего не напоминало об ожоге.

— Ты же мог сгореть.

— Только от прямых солнечных лучей.

— Так все равно же больно, — я обошла Стефана и заметила, что ожоги на спине тоже стали потихоньку заживать.

— Скажем так, наказание за глупость, — Стефан снова повернулся ко мне лицом.

— На тебе все так быстро заживает?

— У меня не самая быстрая регенерация. Извини, но мне нужно посмотреть письмо.

— Да, конечно, — кивнула я, Стефан исчез в коридоре, через пару минут он появился уже полностью одетым, с накинутым поверх длинным черным плащом с надвинутым на лицо капюшоном.

— Мне нужно срочно прибыть на работу, — сказал он. — Приду вечером.

Хлопнула входная дверь, а я так и осталась стоять среди комнаты, переваривая поступившую информацию. Оказывается и вампиры вполне себе состоятельные личности относительно чувств, это просто мне такой вот сдержанный достался, которого пробил только душераздирающий визг. Я почувствовала боль в горле. Да, не стоило так орать, да и руки все еще слегка дрожат. Нужно пойти выпить горячего чая и успокоиться.

Ну, почему он мне сразу не сказал, я бы хоть не так испугалась? Хотя как бы он это сделал? Делая, ты знаешь, ты вот если зайдешь ко мне в комнату, ты не пугайся, а лучше свет не включай, понимаешь, вампиры немного не так спят, как люди, тебе это лучше не видеть.

Бред сивой кобылы и тихий ужас! Я немедленно увидела новую картину. Синие вампир и вампирша лежат на красных простынях в мертвых объятьях друг друга. Жуть! Брр...

Стефан сидел на диване и пытался читать очередную книгу. Я же нахально включила верхний свет, забралась с ногами в кресло и нагло пялилась на него, что-то черкая в листке, лежащем на коленях. Интересно, почему я выбрала синий мелок? Стефан долго делал вид, что ему все фиолетово, потом вздохнул и сожалением признал, что для чтения книги слишком светло.

— Что ты делаешь?

— Ничего определенного, — честно ответила я, проводя еще одну тонкую синюю линию на листке, и снова придирчиво всмотрелась в его лицо.

— И для этого неопределенного, ты все время смотришь на меня будто я экспонат выставки?

— Извини, — повинилась я, немного поумерив пыл, но, не перестав рассматривать его совсем. — Просто не часто увидишь тебя при свете, все больше в полутьме.

Вампир, видимо, не нашел, что возразить, снова открыл книгу, прочел пару строк и с досадой отшвырнул ее от себя.

— Как ты что-то видишь при этом свете? Он же раздражает и не дает ничего рассмотреть.

— Наоборот, при свете я вижу все четче и ярче.

— Странные вы, люди.

— Странные вы, вампиры!

— Ну да, — кивнул Стефан. — Человек и вампир никогда не поймут друг друга, ибо они видят мир по-разному.

— Что-то знакомое... — усмехнулась я.

— Вильгельм Старерберг, философ Абаркандской школы.

— Великий авторитет, — усмехнулась я.

— По его философии у нас был самый интересный семинар. Мы спорили полдня, но так и не пришли к единому мнению.

— А о чем спорили?

— Да вот как раз об этом изречении.

— И какого мнения придерживаешься ты?

— Раньше я был не согласен с Старербергом, теперь, кажется, начинаю проникаться уважением к его философии.

— А мы, когда его проходили, были единодушно с ним солидарны, а теперь вот моя уверенность пошатнулась.

— Выходит, мы оба изменили точку зрения на философию Старерберга, — хмыкнул Стефан.

— Ну, я когда пыталась вникнуть в суть его философии, даже чисто теоретически не могла предположить, что в недалеком будущем буду жить у вампиров.

— А я вот был очень увлечен идеей урегулирования отношений между людьми и вампирами. Мне тогда казалось, что «пропасть, разделяющая вампиров и людей» не так уж и велика, и через нее можно перекинуть мост, в противовес «перепрыгиванию» Старерберга. Теперь, кажется, я понимаю, как и в чем он был прав.

— Все с точностью до наоборот, — усмехнулась я. — Пропасть оказалась не такой

широкой. Насчет моста не знаю, но договориться, стоя на разных берегах, вполне реально.

Стефан мягко рассмеялся, блеснув клыками, и, тут же спохватившись, снова стал серьезным. Чего это он так?

— А вампирам что, смеяться запрещается? — я решила все-таки сразу узнать, чтобы не произошло такого же прокола, как и со спящим вампиром.

— Почему? Можно.

— А-а, странно.

— Что?

— Ну, смеяться не запрещено, но что-то я ни разу не видела улыбающегося вампира. Да, хотя, я вампиров-то особенно не разглядывала, может, просто пропустила.

— Наверяд ли такое можно пропустить, — пробормотал Стефан.

— Почему? — спросила и продолжила чуть более конкретно. — А ты, почему почти никогда не улыбаешься, тем более уж не смеешься?

— А-э, — замялся Стефан.

«Рассмеяться мне хотелось в первую же секунду, когда я тебя увидел, стоящую на пороге, бледную, с широко распахнутыми глазами, когда ты пробиралась на кухню, все сшибая по пути, когда ты заглянула ко мне в комнату, наивно полагая, что я не узнаю, хотя, ты, наверное, тоже хорошо повеселилась, увидев такой кавардак в моей спальне, надо было хоть что-то прибрать. Хотелось смеяться тогда, когда ты плакала, прижавшись ко мне, несмотря даже на боль от твоего любимого солнца... Как же я мог так тебя напугать?»

— Повода, наверное, не было, — пожал плечами вампир.

— Ага, вот сейчас был, а через секунду пропал, — указала я на явную нестыковку легенды.

— Делия, ну ты же знаешь, как воспринимают люди улыбку вампира, — вздохнул Стефан, сдаваясь. — Вот мы и стараемся не обнажать клыки лишний раз.

— Ну, хорошо, на людях, а дома-то чего? — искренне изумилась я.

— Да ты от одного моего вопроса в обморок падаешь. Даже представить боюсь, что будет, если я еще и улыбаться буду, — беспомощно развел руками Стефан.

— Ой, да смейся на здоровье! Гораздо страшнее находиться в одной комнате с вечно серьезным вампиром, я уж молчу про спящего! — заверила я Стефана.

Стефан недоверчиво посмотрел на меня, я же, воспользовавшись его вниманием к моей персоне, принялась бодренько рисовать все новые и новые штрихи и линии. Чуть отодвинув рисунок и окинув его взглядом, я хихикнула.

— Кажется, я поняла, почему вампиры на лекциях не спят. ТАКОЕ не заметить — это я не знаю, что надо, — я расхохоталась в голос.

— Есть такое, — Стефан все-таки улыбнулся, хотя как-то несколько неуверенно, мне стало еще смешнее.

Где это видано? Вампир не позволяет себе улыбаться в присутствии человека, дабы его не напугать! Что за странного вампира назначили мне? Стефан улыбнулся чуть более открыто, уже полностью обнажая клыки. Видимо заразился от меня весельем. И чем он собственно хотел меня напугать? Да ей богу по темному коридору пробираться на кухню в сто раз страшнее, да еще, если из самого темного угла таки выскакивает ожидаемый вампир. А уж до спящего вампира, которого я пережила, вампирьей улыбке точно никогда не дотянуть.

— Нет, может, Старерберг был не так уж и прав?

— Все может быть, — пожала я плечами и сочла момент подходящим для разрешения давно интересующего меня вопроса. — Стефан, а почему ты меня выбрал себе...

— А что ты все-таки рисуешь? — Стефан поднялся и прежде, чем я успела что-либо сообразить, подошел и заглянул в мой лист.

Ну, да получилось несколько неестественно, но ведь не настолько, чтобы застывать с открытым ртом! И, кстати, вполне, похоже, что для меня редкость. Я вообще людей, да и вампиров редко рисую, все больше пейзажи. Блин, да что он там такое увидел?

Я перевела взгляд с оторопевшего вампира на рисунок. Ну, вот он сидит на диване, откинувшись на спинку и закинув одну руку за нее, вторую цивилизованно пристроив на подлокотнике. Голова чуть наклонена вправо, черные волосы я ему распустила, причесала и аккуратно разложила на плечах и спинке дивана. Да, он так не носит, но мне вполне хватило впечатления первого дня, да одежда у него всегда в полном комплекте и аккуратно застегнута и заправлена, а я нарисовала мало того, что только рубашку, так еще и не заправленную в брюки и толком не застегнутую. Но кто бы на моем месте не нарисовал, увидев комнату этого вампира? Ну и немного с выражением лица переборщила. Какой-то он у меня не серьезно-целеустремленный, а грустно-застенчивый вышел. Но, в общем-то, вполне узнаваем. Чего он так смотрит?

«Неужели она все видит? Неужели у меня все это на лбу написано? Я же... я ведь... Как? Почему? Она вот так легко видит все! А я... Как же... что же...»

— Не знаю, почему, но вот мне так нарисовалось, — пожала я плечами. Что-то уж слишком длинная пауза.

— Эмм... не знаю, — выдавил из себя Стефан. — Красиво... да... очень... наверно. Извини, я вспомнил, мне надо... позвонить...

Стефан, скрывая поспешность, нырнул в темный коридор. Да что это с ним? Что он такого увидел на рисунке? Я пристально всмотрелась в синие линии.

«Она догадалась? Но как? Или не догадалась? Да как же так? Она ведь не может меня чувствовать, она же человек. Но как тогда? Откуда ей знать? Или она не знает...»

— Да, — послышалось в трубке.

— Гарнс, ночи. Я пропал.

— Стефан? Ночи и тебе. Что ты сделал?

— Я полный идиот.

— Кто бы сомневался. Что произошло-то?

— Она меня нарисовала. Мне кажется, она поняла.

— Кто? Что поняла? Ты о чем?

— О Дели!

— А? А-а! И что?

— Она нарисовала меня, я пропал. Я полный идиот!

— Это я уже слышал и полностью тебя поддерживаю.

— Гарнс, это не смешно!

— Да нет, смешно, ты толком объясни. Нет, лучше я приду.

— Приходи, только где-нибудь в три утра, когда она уже спать ляжет.

— Хорошо.

Вечер шел как-то скомкано. Неужели ему так не понравился рисунок? Знала бы, лучше

бы не рисовала вовсе. Махнув на все рукой, я пораньше отправилась спать.

Стефан с мрачной решительностью мерил гостиную шагами, когда в дверь, наконец, позвонили. Поскорее впусив гостя, он снова вернулся в гостиную и сел на диван.

— Ну, рассказывай, полный идиот, что она у тебя тут нарисовала, что ты пропал, — сказал Гарнс.

— Дело-то серьезное, а тебе все хихоньки да хахоньки, — недовольно сказал Стефан.

— Слушай, да, что у тебя тут такое приключилось, что ты как будто на солнце побывал.

— Побывал и даже погрелся. Горячо. Но это пустяки, — отмахнулся вампир.

— Что, правда? — всполошился Гарнс. — Ты что, совсем?

— Я теперь уже не знаю, когда же я рехнулся. То ли когда что мне понадобился человек, то ли когда выбрал Делию.

— Похоже, еще при рождении, — предложил свой вариант Гарнс.

— Такое тоже может быть, — покорно кивнул Стефан.

— Да что такое приключилось? — всерьез обеспокоился Гарнс.

— Она меня нарисовала.

— И что? Ты что не знал, что она художница? Что такого-то? — не понял Гарнс.

— Да знал, я знал. Просто она нарисовала меня именно таким, какой я есть!

— В смысле?

— Да в прямом, мне кажется, она догадалась.

— О чем именно?

— Она меня сегодня спросила, почему я выбрал ее.

— И что ты ей ответил?

— Ничего, я увидел то, что она нарисовала. Она точно догадалась, — сокрушался Стефан.

— Да покажи ты мне рисунок-то, — попросил Гарнс.

— Она его с собой унесла. Сейчас принесу, — кивнул Стефан.

Он тихо прошел по коридору, вошел в комнату. Рисунок лежал на столе, с которого почти мгновенно исчез. Через несколько секунд Стефан уже протягивал другу лист бумаги, с синим портретом на нем.

— А она у тебя талантливая. Так, похоже, — похвалил Гарнс.

— Да ты посмотри, как она нарисовала! — воскликнул Стефан. — Неужели у меня на лбу написано, что я ее люблю?

— Сейчас да, — спокойно ответил Гарнс, покосившись на лоб собеседника. — А вообще, я не понимаю, чего ты так переполошился.

— Как это? Да ты посмотри! Если я так на нее смотрю, то она точно уже все поняла.

— Да как? Что такого-то? Ну, получился ты у нее немного человечнее, чем вампир, и все. На диван она тебя немного странно усадила, волосы распустила, твою обычную неопрятность пририсовала, добавила грусти и нерешительности. Между прочим, ты в последнее время именно такой! А, в общем, я не пойму на что ты жалуешься. Она тебя не кровожадным монстром видит, а вполне обычным вампиром, разве что чуть более романтичным. Хотя тебе такой образ больше подходит, чем тот трудяга-юрист с непроницаемой миной, которую ты на себя нацепил.

— Ты так думаешь? — усомнился Стефан.

— Нет, так думает мой левый ботинок, а я думаю, что ты полный балбес, к тому же, еще

полностью влюбленный в человека. Было бы в сто раз проще, если бы ты ее укусил.

— Я не буду ее кусать!

— Да знаю-знаю, — отмахнулся Гарнс, отдавая рисунок, который через несколько секунд уже лежал на прежнем месте.

— Что скажешь?

— Что ты полный идиот, и ты пропал. Но ты и сам это знаешь.

Стефан оторопело смотрел на друга.

— Стеф, друг, я так и не понял, чего ты так переживал! Ну ладно, нарисовала она тебя не так, как надо. Но это же ничего не значит. Художники вообще видят мир по-другому. Ну, захотелось ее правой пятке, чтобы ты сидел на диване в незастегнутой рубашке со свободными волосами и смотрелся на картинке, как брошенный любовник, и что теперь? Завтра она тебя нарисует в доспехах и с мечом наголо, но это же не значит, что она видела тебя в битве под Кармасом! А потом вообще голым в ванной нарисует! Тебе ж не сто лет, чтобы в присутствии вампирш краснеть и пороть всякую чушь!

— Я в присутствии вампирш никогда не краснел и чушь не порол, — насупился Стефан.

— Да знаю. Но заметь, у меня с Хельгой все в порядке, скоро столетие со дня свадьбы справим!

— Поздравляю, — мрачно пробормотал Стефан.

— Куда бы было проще, если бы ты выбрал себе обычную вампиршу, а не человеческую девушку.

— Кто бы сомневался, — передразнил Стефан. — Но что уж вышло.

— Ну, вышло и вышло. Чего ты переживаешь-то? Ну, поняла она, что ты ее любишь, и что? Или ты от нее всю ее короткую жизнь это скрывать намерен?

— Нет.

— Ну и что тогда? Даже лучше, если она поняла. Хоть бы бояться не будет.

— Да она и так не боится.

— А ты ей про сон вампиров рассказал?

— Она видела.

— Видела? — Гарнс аж на месте подскочил. — Ну, ты идиот!

— Да я тебе это еще по телефону сказал. Собственно, в тот день я и позагорал.

— И что она?

— Да ничего, — пожал плечами Стефан. — Заорала, потом поплакала немного и успокоилась, сказав, что предупреждать же надо.

— Здравая мысль, жаль не твоя, — похвалил Гарнс.

— Она сегодня еще у меня спрашивала, почему я никогда не улыбаюсь.

— Я надеюсь, ты ей ничего про межрасовый кодекс не наплел?

— Я что, по-твоему, совсем с головой не дружу?

— Да с тебя станется, — покачал головой вампир. — Так что ты ей сказал?

— Да как есть, так и сказал. Мол, люди неправильно истолковывают вампирью улыбку.

— А потом полдня растолковывал, как ее правильно истолковывать? — хохотнул Гарнс.

Стефан тяжело вздохнул.

— Знаешь, что она мне на это ответила?

— На тридцать три положения кодекса вампиров относительно оскала? Даже представить не могу, — Гарнс хохотал уже в голос.

— Да тьфу, на тебя. Ничего я ей про кодекс не говорил, он уже устарел и

недействителен!

— А если бы не устарел, то сказал бы? — Гарнс сполз по креслу вниз.

— Гарнс, да кончай издеваться! Я тебе серьезно! Она мне сказала, что ей страшнее находиться в одной комнате с вечно серьезным вампиром, чем со смеющимся!

— Ну да, после того, как она увидела спящего вампира, улыбка ей по барабану, — хрюкнул откуда-то с пола Гарнс. — Да у тебя не девица, а клад! Тебя уже не боится, спящего вампира простой истерикой пережила, и против улыбки ничего не имеет. Не пойму, чего тебе в жизни не хватает!

— Ты прекрасно знаешь, — вдруг резко погрузнел Стефан. — Тебе, равно как и мне, известно, что вампиры любят только один раз в жизни. И если один вампир может добиваться другого всю свою жизнь, то Делия человек.

— Так я тебе о чем толкую! Укуси ее и будет, и она тоже вампиршей!

— Нет, — отрезал Стефан.

— Ну, как знаешь.

Утром первым делом я взглянула на рисунок, брошенный на столе поверх остальных работ. Я так и не смогла понять, что же так подействовало на вампира и теперь лелеяла надежду, что свежий утренний взгляд прояснит картину. Увы, надеждам не суждено было сбыться. Рисунок за ночь не изменился. С него все так же грустно-растеряно смотрел Стефан. Ну и фиг с ним! Я убрала рисунок подальше.

Я уже собиралась завтракать, когда из гостиной вышел Стефан с еще кем-то. А я-то думала, что это мне как-то не по себе, а это у нас, оказывается, гости были.

— Доброе утро, — сказал мой вампир.

— Доброе, — кивнула я и посмотрела на гостя.

Еще один вампир. Он был несколько ниже Стефана, но шире в плечах, с такой же бледной кожей и красными глазами, только какими-то узкими и раскосыми, каштановые жесткие волосы едва достигали плеч. Вот уж необычный вампир-то! Мало того, что восточной наружности, так еще коротко стриженный! Где это видано, вампир с каре?

— Познакомься, это мой друг, Гарнс Конг, — представил вампира Стефан.

— Очень приятно, Делия Винтерн.

Представленный вампир почему-то хрюкнул и мастерски изобразил кашель.

— Прошу прощения, — прокашлявшись, сказал Гарнс. — Мне тоже очень приятно с вами познакомиться, но, боюсь, мне пора. Жена ждет!

— До свидания, — чинно попрощалась я.

Вампиры завернули к двери, я же пожала плечами в пустоту и отправилась на кухню.

— Кофе будешь? — спросила я, не оборачиваясь, у вошедшего в кухню Стефана. Ответа не последовало, я обернулась и узрела перед собой удивленного вампира в полном комплекте с выпученными красными глазами, посверкивающими клыками из приоткрытого рта и серовато-бледной кожей. Я бы, наверное, испугалась, если бы не привыкла уже к виду вампира на кухне. — Кофе будешь?

— Да, — машинально ответил тот, кажется, даже не слушая, что я у него спрашиваю. Я еще немного понаблюдала за ним, потом развернулась и налила еще одну чашку кофе. Мне, собственно, все равно, что налить, крови или кофе. Стоп! А когда это мне стало все равно? После третьей или четвертой совместной трапезы? Или раньше? Вот ведь вампиры!

Я поставила перед ним чашку с кофе и, на всякий случай, чуть в стороне бутылку с

кровью и чистую чашку, если он все-таки передумает, далее на стол перекочевал завтрак, и я уселась за стол напротив вампира, который на меня как-то подозрительно косился.

— Стефан, ты пить будешь?

— Да, конечно, — вампир отхлебнул кофе и поморщился. — Что это?

— Кофе, ты сказал, что будешь. Слева от тебя бутылка и чашка.

Вампир посмотрел в указанном направлении, потом на кофе и отхлебнул еще раз.

— Как ты узнала, что я вошел в кухню? — спросил он.

— Ты всегда завтракаешь со мной и всегда приходишь, когда я наливаю кофе, я всегда спрашиваю, будешь ли ты, и ты всегда отказываешься, ну кроме сегодняшнего дня.

Вампир видно прокрутил последние завтраки и пришел к тому же выводу, потому что лицо его просветлело, и на лице даже появилась улыбка.

— А ты что подумал?

— Да я и не знал что думать! Вампира невозможно ни услышать, ни почувствовать, однако, оказывается, можно предугадать.

— Насчет услышать, не спорю, еще прибавлю, что и увидеть крайне проблематично, но вот почувствовать — вполне. Я всегда знаю, дома ты или нет, один ты или с гостями.

— Ну, это немного другое. Почувствовать, что вампир рядом может любой человек, а вот с точностью понять, что он делает, может только еще один вампир, да и то не всегда.

— При условии, что с этим неуловимым вампиром не живет обыкновенная девушка, с которой он по утрам кофе распивает, — закончила я, Стефан улыбнулся шире. Нет, уж куда лучше, когда он улыбается. Сразу как-то спокойнее становится, будь он хоть трижды вампир.

— Что ты так смотришь? — несколько озадаченно спросил Стефан.

— Да так, новый набросок. Может, получится лучше, чем первый, — сказала я. — А у вампиров что, не всегда черные волосы?

— В смысле? — не понял Стефан.

— Ну, вот у твоего друга Гарнса каштановые, да и короткие.

— Гарнс не чистокровный, его инициировала его жена Хельга, поэтому он носит короткие волосы, и они у него не черные, к тому же, вампиры не рождаются с восточной внешностью. Мы другая раса, гены которой доминирует над всеми.

— Надо же, то есть, если у Гарнса с Хельгой родится вампиренок, то он будет полностью похож на маму?

— Ну почему, на Гарнса он тоже будет похож, но типично восточной внешности ему не достанется ни при каком раскладе. Он родится вампиром.

— Жаль. Вампиры-азиаты — это интересно.

— Хельга тоже так считает, — усмехнулся Стефан.

После завтрака Стефан отправился спать, а я рисовать. Перед глазами так и висело его улыбающееся лицо, которое я поскорее и набросала, дабы не потерять образ. А далее, вооружившись цветными мелками, я начала прорабатывать вампирскую красоту в цвете. Нарисовать слишком бледную кожу, мне теперь уже не стоило труда, а красные глаза прорисовались как само собой разумеющееся, только с клыками пришлось повозиться подольше. Портрет получился более правдоподобный, нежели прошлый и был бы полностью идентичен, если бы я все-таки нарисовала на плече аккуратную косу, а не растрепавший полураспустившийся хвост блестящих волос, часть из которых падала на лицо и плечи. Ну, не берет рука, что поделать!

Обед в компании телевизора, тоскливый взгляд в окно. Я определенно скучала без

возможности пройтись по улицам города. Пусть на улице зима, и в холод не особенно хочется куда-то идти, но в четырех стенах сидеть я тоже не могу! Оторвав тоскливый взгляд от заснеженной сосны, я вернулась к недоделанному рисунку. Сумерки быстро сгущались, я машинально включила свет и продолжила работу. Вскоре на листе красовался Стефан, стоящий у заснеженной лавочки при свете солнца в одной рубашке, спрятав руки в карманы брюк, и, довольно щурясь, улыбался.

— Ну, как тебе такой вариант? — спросила я, уже без паники отступая к вампиру, стоящему у меня за спиной.

— Интересная интерпретация. Зимой, на улице, днем, в одной рубашке, — усмехнулся вампир над самым моим ухом.

— Интересно другое! Что же произойдет? Замерзнешь или сгоришь? А если замерзнешь, то заболеешь или нет, и если сгоришь то, как на это отреагирует снег вокруг.

— Замерзнуть я не успею, и снегу будет фиолетово, — ответил Стефан.

— Обнадеживает, — я сняла свое новое творение с планшета и убрала рисовальные принадлежности.

— А сегодня ты как угадала, что я в комнате?

— Вель-саяж никак не сочетается с запахом красок и мелков, — пожала я плечами.

— Ну, да можно было догадаться, — усмехнулся Стефан. Я обернулась к вампиру и увидела мокрые, зачесанный назад волосы. Так вот почему так сильно пахнет!

— Что, еще один набросок? — подколол Стефан.

— Да нет, а что, нельзя?

— Да что ты, рисуй на здоровье, если хочешь.

— Я на улицу хочу, да и маму увидеть, — я заглянула вампиру в глаза.

— Прямо сейчас? — серьезно спросил вампир.

— Да, — не задумываясь, ответила я.

— Собирайся.

— Что, прямо сейчас?

— Ну, ты же сказала, что сейчас хочешь.

— Ну, я не думала, что вот так вот... — я даже растерялась. — Нет, правда?

— Да, правда-правда, — вампир для убедительности еще и кивнул.

— Ой! — поддавшись порыву радостных чувств, я чмокнула моего вампира в щеку и упорхнула к шкафу. Я уже не заметила, что Стефан довольно долго стоял на одном месте и лишь спустя пару минут как-то дико покосился в мою сторону и вышел из комнаты.

Прогулке я радовалась как ребенок, даже не смотря на то, что на самой улице я была не больше пары минут, пока шла до машины Стефана и от машины до моего дома. Мама открыла дверь почти сразу, как будто ждала, но, увидев меня, онемела и застыла с широко распахнутыми глазами.

— Мама! — я поскорее обняла ее.

— Делия... — мама, не веря своим глазам, ощупала меня.

— Да, я, мама!

— Но...

— Добрый вечер, — Стефан поклонился, строго следуя этикету.

— Добрый вечер...

— Я заеду за тобой после работы, — сказал Стефан, обращаясь ко мне.

— Хорошо, — радостно улыбнулась я, предчувствуя прекрасную ночь, проведенную

дома.

Стефан еще раз поклонился и скрылся.

— А... он тебя... эм...

— Нет, мама, я все еще человек, — рассмеялась я.

— Ох, Дели! — мама еще раз обняла меня. — Но зачем тогда ты ему понадобилась?

— Не знаю, мама, не знаю, но меня все вполне устраивает.

— Тебе там хорошо?

— Да, мама, хорошо. Только я на улице почти не бываю, вот это жаль, но вроде бы это не на все время, а так все хорошо. Я даже привыкла уже ходить в темноте и ничего не сшибать.

— Ты все время живешь в темноте? — ужаснулась мама.

— Да нет. Во всей квартире, конечно, темно, Стефан не может быть на солнце, но у меня в комнате светло.

— Стефан? Его так зовут?

— Да, его. А что?

— Да ничего, просто во всех документах написано «господин Варна». Я не знала его имени. Да что же мы стоим на пороге, заходи скорее, доченька. Как ты? Что ты делаешь? Как живешь?

— Да, все хорошо, мама. Все хорошо, правда, не переживай!

Мы проговорили с мамой всю ночь напролет.

— Значит, тебе у него нравится? — в сотый раз задала этот вопрос мама.

— Да, — в сотый раз ответила я.

— Но ведь он вампир.

— Он всего лишь вампир, а не вселенское зло. Знаешь, мам, я пересмотрела свое мнение относительно вампиров. Они, конечно, не люди, но это почти ничего не меняет. Да, конечно, утром я наливаю себе кофе, а ему кровь, да он спит днем, а я ночью. Пусть у него бледная кожа, красные глаза и длинные клыки, но с ним интересно и уж точно никогда не соскучишься.

— А ты его не боишься? — допытывалась мама.

— Раньше боялась, теперь уже привыкла, — пожала я плечами. — Когда увидишь спящего вампира, он же бодрствующий уже не внушает никакого ужаса.

— А что такого в спящем вампире?

— Да уж мало хорошего в синеньком трупке в постели.

— Доченька! — ужаснулась мама.

— Да ладно, ко всему можно привыкнуть. Ему мое стремление к солнцу тоже, кажется, ненормальным, но он терпит, что я включаю везде свет, хотя он ему мешает.

— Свет мешает?

— Понимаешь, вот мы в темноте ничего не видим, а они так же как мы в темноте на свету. Нет, они, конечно, прекрасно ориентируются в пространстве и днем, но видеть толком ничего не видят. У них там какое-то чутье есть, но я в этом пока не разобралась. Он, например, всегда точно знает, где именно в квартире я нахожусь. Сквозь стены он не видит, но как-то чувствует.

Мама задумалась.

— Значит, тебе там нравится?

Я звонко расхохоталась.

— Да, мама, да! Все хорошо, не беспокойся!

— И сам господин Варна тебе нравится, и ты его не боишься... — скорее уже для себя пробормотала мама. Видимо ей все равно не верилось.

— Ой, я же рисунки тебе принесла показать! Заодно и на Стефана посмотришь. Он не страшный, сама увидишь. Он даже красив, правда, по-своему, по-вампируски, — сказала я и вытащила рисунки, которые специально взяла с собой. Мама как всегда бережно взяла мои рисунки и с интересом начала рассматривать. Несколько пейзажей, она рассматривала долго.

— Ты ведь сказала, что на улице не была, — заметила она, рассматривая недавний снежный пейзаж.

— А это я из окна смотрела.

— Красивый у тебя вид из окна, — порадовалась мама. — Дели, ты такая талантливая, как жаль, что тебя назначили вампиру.

— Да это не страшно! Стефан ничего насчет рисования не говорит, он мне наоборот рамку купил.

— А насчет своей работы?

— Я с ним не говорила. Думаю, когда он мне разрешит из дома выходить, тогда я смогу вернуться на работу.

— А почему тебе из дома-то нельзя выходить?

— Не знаю, — задумалась я. — Он тогда сказал, что нельзя, я и не спросила, и так страшно было. Надо будет спросить.

Мама взяла в руки портрет Стефана.

— Дели, у тебя же люди никогда не получались, а это такие красивые рисунки!

— Так, то люди, а это вампир! — усмехнулась я.

— Это он?

— Да, это Стефан, — кивнула я.

Мама долго смотрела на рисунок, не отрывая взгляда и не моргая.

— Да, ты права, он по-своему красив, — наконец, кивнула она. — Только... он ведь вампир.

— Ну и что? Пообщавшись с ним я не нашла непреодолимых отличий между вампирами и людьми.

— А как ты это нарисовала?

— Да он сидел, книгу пытался читать, а я внаглую включила свет поярче и села рисовать. Пока мы с ним разговаривали, я и нарисовала. А вот эту уже по памяти рисовала. Поэтому такое несоответствие и получилось, что вампир зимой на улице днем, да еще и не по погоде одетый.

— Дели, тебе надо заканчивать с дизайном и становиться настоящим художником. Ты рисуешь такие замечательные картины!

— Ты думаешь? — я с сомнением посмотрела на рисунки. — А это было бы увлекательно... Интересно, что Стефан скажет по этому поводу!

— А как ты сама к нему относишься?

— К кому? К Стефану? — не поняла я. — До нормально, привыкла уже. Не боюсь. Да нет, наверное, даже больше. Теперь мне без него будет уже чего-то не хватать. Наверное, он стал мне другом. Я бы, наверное, продолжала с ним общаться, даже если бы снова жила здесь. Да нет, точно. С ним интересно, много нового о вампирах узнаешь, да и вообще...

— Уж не влюбилась ли ты в него, дочка?..

— Влюбилась? Я? В Стефана? — удивилась я. — Да ты что, мам! Он вампир, а не человек. Это просто невозможно.

— Ты сама только что говорила, что разницы особенно никакой.

— Ну, не настолько же никакой! — покачала головой я. — А вообще, мне все равно от него никуда не деться. Было бы даже лучше, если бы я в него влюбилась.

— Как знаешь, Дели, только он все равно вампир.

Тут в дверь позвонили.

— Это Стефан, — я вспорхнула со стула и отправилась открывать, на пороге стоял мой вампир, закутанный в плащ. — Привет!

— Доброе утро, — приветственный поклон маме. — Пойдем?

— Да, конечно, — я кивнула и стала одеваться. — Мамочка, я так рада была тебя видеть! — я обняла ее. — Надеюсь, приду еще.

Я вопросительно посмотрела на Стефана.

— Если ты захочешь, — кивнул вампир. — До свидания.

Мы вышли и направились к машине.

— Ты чего какой? — спросила я, усаживаясь на переднее сидение.

— Какой? — Стефан скинул капюшон и завел машину.

— Добрый вечер, я заеду за тобой после работы, доброе утро, если ты захочешь. Чего так официально?

— Твоя мама человек, а ты не хуже меня знаешь, что общение вампиров и людей сводится к минимуму статьей 154 Гражданского кодекса.

— Не знаю точно, какой статье и какого кодекса предусматривается назначение вампира человеку, но это никак не вписывается в статью 154 Гражданского кодекса.

— Семейный кодекс, раздел межрасовых взаимоотношений, статья 132, — проинформировал меня вампир. — Но в этой статье говорится только о взаимоотношениях одного конкретного человека и вампира.

— Дебильный какой-то закон, — пробормотала я.

— Законы не могут быть дебильными. Все они тщательно разрабатывались смешанным Комитетом.

— Значит, комитет дебильный, — сделала неутешительный вывод я. — Как они там себе это представляют? Человек общается с людьми, вампир с вампирами и не знакомят друг друга со своими друзьями и родными? Такого не бывает.

«Просто человек остается человеком не так уж и долго. Максимум еще неделю, а потом он уже становится вампиром и автоматически попадает под действие статьи 154 Гражданского кодекса. К людям ему дорога заказана, ибо они будут его шарахаться, так же как и любого вампира, в том числе и родные».

Стефан промолчал.

Сегодня мы легли спать вместе, каждый в своей комнате, но проснулся первым все же вампир. Оказалось, ему куда-то надо было днем. То ли какая-то встреча, то ли еще что, но почему-то непременно днем. Он попрощался и ушел, я же, зевая, занялась своими обычными утренними делами в середине дня. Вот я и окончательно сдвинула режим дня, проспав полдня, а, потом, не изъявив желание идти спать почти до самого утра.

Какой-то аврал опять загнал Стефана на работу днем и задержал там до самого обеда

следующего дня, так что я имела честь лицезреть уставшего и невыспавшегося вампира среди бела дня.

— Такое скучное дело, и пришлось так долго над ним работать, — пожаловался Стефан за завтрако-обедом. — Я думал, под конец уже усну прямо в суде.

Я рассмеялась.

— Тебе смешно, но добудиться до вампира крайне сложно. Представь себе судью с подсудимым, долго и упорно будящих адвоката?

— А что, простого тычка недостаточно? — удивилась я.

— Чтобы разбудить вампира нужно хорошенько постараться. Боюсь, здесь даже хорошего пинка не хватит, — покачал головой Стефан. — Разве что душераздирающий визг.

— О, я, оказывается, с первого раза выбрала верную тактику! — порадовалась я, Стефан усмехнулся. — Нет, а что, правда, не добудишься? Ты, что же, не слышишь, что тебя зовут, и не чувствуешь, что тормозят?

— Ну, ты же видела, как вампиры спят. Будить нас так же легко, как и простой труп, с той лишь разницей, что вампиры все-таки проснутся, а трупы — нет.

— То есть, если будить без должного прилежания, то вампир так и не проснется?

— Ну, пока не выспится — не проснется. Так что будить нерадивому будильщику придется где-то часа четыре как минимум, но сегодня мне кажется, я просплю все шесть, — Стефан зевнул. Нет, ну я совсем обнаглела, ни один нерв не дернулся, а раньше бы я, наверное, умерла от страха, а теперь почему-то хочется смеяться. Ну, разве не умильно сидеть на кухне с клюющим носом вампиром, который непрерывно зевает.

— Нет, все! Я пошел спать, — Стефан встал из-за стола и растворился в темном коридоре. Что ж, проверим, так ли уж нечувствительны вампиры во сне!

Подождав для верности с полчаса, я, вооружившись парикмахерскими принадлежностями, вошла к нему в комнату. Как я и ожидала, включив свет, я увидела свеженький трупик с распущенными длинными черными волосами. И чего я тогда испугалась? Ну, стал слегка другого цвета, а так не особенно изменился. Я осторожно коснулась его руки. Странный труп — тепленький! Хотя вполне правдоподобно не дышит, и даже пульса нет, что я выяснила, так и не нащупав сонную артерию. Я на пробу позвала по имени и тихонько потрянула. Как ни странно, он и впрямь не подумал просыпаться. Ну, что ж, тем хуже для него! Я злорадно потерла руки и принялась за свою каверзу. Через час мучений я полюбовалась своей работой. Все волосы вампира были тщательно обработаны средством для лучшей завивки и заплетены во множество небольших кос, призванных после расплетения, превратить в красивые волны. За все время, пока я то дергала за волосы, то перекладывала самого вампира, чтобы высвободить новые пряди, Стефан так и не проснулся и даже не пошевелился. Как мне все-таки повезло, что в тот злополучный день, когда я впервые увидела его спящим, я все-таки заорала, а не потеряла дар речи, как обычно. Я еще полюбовалась на дело рук своих и тихо вышла из комнаты.

Я уж успела позабыть о своей проделке, когда дверь неожиданно распахнулась, и на пороге появился вампир. Я бросила удивленный взгляд в его сторону, и тут же сложилась пополам, хохоча, как безумная. В прошлый раз он смотрелся весьма эффектно: бледная кожа, обнаженный торс и развевающиеся черные волосы, окутывающие его фигуру, а сегодня... Нет, косы я заплела хорошие, да и вампир, спавший неподвижно, ничуть их не испортил, но сама картина полуобнаженного вампира с дюжиной косичек — это что-то!

— Делия, что это такое? — грозно спросил он, подцепив пальцами конец одной из кос.

— Эксперимент, — выдавила я из себя и снова расхохоталась.

— Что? Какой еще эксперимент? Зачем ты заплела все это? — вампир грациозно откинул за спину все свои косы.

— Проверяла, действительно ли вампиры спят как убитые, — сквозь смех ответила я.

— Ага, проверила! Я тебе за такую проверку... — пригрозил Стефан.

— А-а, — качнула я головой, — тут солнце!

— Это не надолго, — сообщил вампир и исчез из поля моего зрения.

Я повалилась на кровать и продолжила хохотать. Что мне за это ничего не будет — я не сомневалась, разве что Стефан обидится, но всегда можно попросить прощения и сказать, что это был чисто научный интерес, и больше я ему косы плести не буду. Ага, кудри завью! Я снова расхохоталась. Неожиданно по всей квартире разнесся крайне возмущенный вопль.

— ДЕЛИЯ!!!

Я подскочила на кровати и в считанные мгновения добежала до ванной. По моим расчетам он как раз должен был расплести косы, а вот уж кудрявого вампира я ни за что не пропущу. Я заглянула в ванную и узрела уже одевшегося Стефана с полностью расплетенными волосами. Ну, кто же знал, что они у него такие пушистые! Я тихонько сползла по стеночке, содрогаясь, наверное, в предсмертных конвульсиях.

— Стефан, класс! — прошептала я и уткнулась в ладони, беззвучно хохоча.

— Класс? Класс?! Да ты посмотри на меня, я же... я же... похож на пуделя... с очень длинными ушами! Зачем тебе это понадобилось?

— Я же не знала... что так... будет!

— Да что же это такое?.. — горестно пробормотал вампир, покосившись на зеркало, взял расческу и провел по волосам еще раз. Стало только хуже.

— Какая прелесть! — всплеснула руками я и снова захохотала, обнявшись с полотенцем.

— Делия, я тебя сейчас убью! — воскликнул Стефан.

— А я пуделей с вот такими ушами не боюсь! — я развела руки, показывая размер ушей.

— Ах, так?! — вампир отшвырнул расческу.

Я запустила в вампира попавшееся мне под руку мыло и с визгом выскочила из ванной, но далеко убежать мне само собой не удалось. Я была поймана почти у самого порога и крепко схвачена вампиром.

— Прощайся с жизнью! — бушевал Стефан.

— Разве что от смеха! — я продолжала нагло хохотать даже в руках вампира.

— Ну, все! — подвел итог Стефан и быстро развернул меня к себе. Блеснули в свете из ванны клыки, сверкнули собственным красным светом глаза. Светофор прямо! Пушистые кудри упали мне на лицо, скрывая всю эту картину. Смеяться я больше уже не могла, просто не было сил, и бок болел.

Неожиданно вампир выпустил меня и отскочил на приличное расстояние.

— Прости, прости меня ради всего святого! — быстро заговорил он.

Я ошарашено уставилась на вампира. Чего это он?

— Я не хотел тебя напугать...

До меня медленно стал доходить смысл его слов. Когда же вся ситуация полностью обрисовалась у меня пред глазами, я хихикнула, а потом снова рассмеялась, схватившись за бок, отказывавший веселиться. Теперь пришла очередь Стефана поражаться моему странному поведению.

— Делия? — на пробу позвал он.

— Стефан, да я давно уже перестала тебя бояться! Теперь ты меня грозным взглядом и клыками не напугаешь! Иммунитет! — я прислонилась к стене, продолжая смеяться. — Но вот от смеха я, наверное, все-таки умру. По крайней мере, все признаки на лицо!

Стефан подошел ближе и заглянул мне в глаза, я честно и прямо ответила на его взгляд. Да не боялась я его! Надоело, да и поздно вато.

— Правда, не боишься? — очень тихо спросил Стефан. Видимо взгляд его не удовлетворил.

— Нет, не боюсь, — еще раз повторила я.

Вампир еще немного приблизился ко мне, взял мои руки в свои, и тут в дверь позвонили.

— Вот черт! — воскликнул Стефан.

Я, было, успокоившись, снова захохотала, уткнувшись лбом в плечо вампира. Вампир тут же сообразил, что при всем его желании открыть дверь я не смогу и уныло поплелся к двери сам.

— Здравствуй, Гарнс, — услышала я его голос и поспешила к двери. Я еще успела застать конец немой сцены в лице пушистого пуделя Стефана и сменившего расу Гарнса, но та тут же сменилась уже знакомой картиной сползания по стеночке, с той лишь разницей, что теперь хохотал вампир.

— Ну, смейтесь, смейтесь, — насупился Стефан и неожиданно сам расхохотался.

— Кто?... Кто... этот гений, который все это придумал? — толком не просмеявшись спросил Гарнс, взглянул на друга и снова захохотал.

— Да вот некоторые люди с не в меру развитыми экспериментаторскими способностями, — усмехнулся Стефан.

— Позвольте выразить вам свое глубочайшее почтение, дорогая Делия. Вы превзошли всех! — Гарнс церемонно поклонился на свой манер, посмеиваясь.

— Превзойти-то превзошла, но не идти же мне так на работу! — сказал Стефан.

— Да отчего же не сходить? — запротестовал Гарнс. — Глядишь и это надоевшее всем до чертиков дело о пропавшей репе, наконец, решится с одним твоим появлением. Где они еще увидят такого обаятельного...

— Пуделя! — закончил за него Стефан.

— Стефан, а почему мне нельзя выходить на улицу? — как-то вечером вспомнила я.

— Не совсем нельзя, просто лучше не выходить без меня.

— Почему?

— Тебе это так необходимо знать?

— Ну да. Просто раньше у меня была работа, и я бы хотела продолжить.

— А кем бы ты работала? — заинтересовался Стефан.

— Как и раньше — дизайнером, создавала бы интерьеры.

— А рисование?

— Я и так буду рисовать в свободное время, а вообще я дипломированный дизайнер.

— Ну, дипломированным художником быть нельзя.

— Ты тоже думаешь, что мне стоит всерьез заняться живописью?

— А кто еще так думает?

— Мама тоже так сказала.

Стефан задумался.

— Так что? Почему мне нельзя выходить?

— Понимаешь, все люди, попавшие к вампирам, сами становятся вампирами и... ну, в общем, все нормально, никаких сложностей, но ты человек.

— А почему ты меня до сих пор не укусил? — я-таки решилась задать еще один давно интересующий меня вопрос.

— Ты ведь не хочешь.

Честный и спокойный взгляд вампира не позволил мне усомниться в его словах.

— А что другие сами соглашались, чтобы их укусили? — осторожно спросила я.

— Конечно, нет, но я так не буду, — Стефан встал и вышел, оставив меня в полном недоумении.

И как мне это понимать? Чего он не будет? Кусать без согласия или вообще кусать? А зачем ему тогда, интересно, человек понадобился? Что за бред? Я поднялась и отправилась на поиски Стефана. Из квартиры он не уходил, значит где-то внутри. Я заметила его темный силуэт на фоне кухонного окна и подошла ближе.

— Стефан, — я коснулась его плеча, он неожиданно резко развернулся, сверкнув глазами.

И зачем мне свет? У меня тут и так фонарь есть, пусть слегка красный, но все-таки свет. Через мгновение яркость уменьшилась, оставив лишь легкий красноватый отблеск.

— Может, ты все-таки объяснишь мне все толком, — предложила я. — Столько вопросов без ответов.

— Что за вопросы? — мягкий приятный голос. И почему он раньше наводил на меня такой ужас? Наверное, просто с образом вампира не сочетался...

— Зачем вампирам люди? Почему все люди, которым назначили вампира, становятся вампирами? Зачем это надо? Что чистокровных мало?

— Чистокровных действительно не так уж и много. У вампиров не так уж и много детей рождается, — ответил Стефан.

— Почему?

— Потому, что браков мало. Если бы не инициированные, вампиры бы постепенно вымерли.

— Ну, хорошо, пусть инициировать людей необходимо для численности, но зачем же вся эта процедура с назначением вампира?

— Для порядка, ну и дальнейшей адаптации нового вампира.

— Ну, тогда мне вообще ничего не понятно, — я уселась на подоконник, чтобы не приходилось заирать голову, глядя на вампира. — Ну, получил ты все документы, забрал меня с собой. Укусил бы и дело с концом. А я до сих пор человек. Почему? Зачем я тебе вообще, да еще и у тебя же дома?

Стефан молчал, только глаза то вспыхивали, то гасли.

— Ты бы предпочла, чтобы я в тот же день тебя укусил? — спокойно спросил Стефан, однако глаза засверкали ярче. Я уже поняла, что красноватые блики тем ярче, чем сильнее чувства обуревающие вампира.

— Нет, но так бы хоть все понятно было. А то я теперь не знаю, что и думать. Ты сказал, что не будешь меня кусать без моего согласия, но почему?

— Потому что не хочу, — Стефан видимо отвернулся, потому что красные огоньки исчезли из моего поля зрения.

— Почему? — снова спросила я, окончательно потеряв вампира из виду. Я подождала немного. — Бессовестно пользуешься тем, что я в темноте не вижу?

— Нет. Думаю, что ответить, — раздалось справа от меня. Я присмотрелась и действительно разглядела темный силуэт на фоне стены, хотя в большей степени благодаря Луне, вышедшей из-за тучи и увеличившей свет, проходящий сквозь заклеенные окна. Я покорно подождала еще немного.

— Стефан?

— Ты не хочешь становиться вампиром, а я просто уважаю твоё желание, точнее, нежелание, — официально сказал Стефан и неожиданно добавил своим обычным голосом. — Я не хочу принуждать тебя.

— Но зачем тогда я тебе, если ты не собираешься меня кусать? — изумилась я.

— Почему же не собираюсь? Я не хочу делать этого силой.

— То есть, ты думаешь, что рано или поздно я соглашусь? — еще больше удивилась я. До меня, наконец, дошло, чего, собственно, ждал все это время вампир. Неужели он и вправду думает, что я могу стать вампиршей добровольно?

— Я надеюсь, что ты согласишься ради меня, — вампир отлепился от стены и устремился в темноту. Я скорее угадала его движение и чисто случайно поймала его руку. Вампир медленно обернулся, глаза его сверкали как два рубина в диадеме первой модницы.

Он что, серьезно? Неужели такое возможно? Но что еще может.... Наверное, у меня бред, но неужели он... меня... любит...

— Стефан... — я не успела закончить вопрос.

— Да.

Брови медленно поползли на лоб. Я почувствовала, что запястье вампира выскальзывает из моей руки, и поскорее сжала пальцы. Красные блики приблизились. Руку вампир все-таки высвободил, но тут же я почувствовала обе руки на своем поясе. Вампир приблизился вплотную. Решил все-таки укусить или... Тут я почувствовала поцелуй, такой же мягкий и плавный, как и сам вампир, но я все-таки вздрогнула. Стефан немедленно отстранился и заглянул мне в глаза. Мурашки пробежали по спине, но отнюдь не от страха... Может, мама права?

— Дели, не бойся, я ничего тебе не сделаю. Я не буду тебя кусать, если ты не захочешь, — сказал Стефан, все еще обнимая меня.

— Я не боюсь, просто...

— Что?

— Просто не ожидала... ты ведь все равно вампир.

— Это так важно? — спросил Стефан.

— Нет...

— А что тогда?

— Не знаю... — я действительно не знала, я ничего уже не понимала.

С одной стороны передо мной стоит вампир, а с другой, какая разница, когда он так близко? Вампиры — злобные, кровожадные, страшные, но с этим вампиром я уже не первый день живу в одной квартире, и оказалось, что все совсем не так. Мне постепенно становится все равно, кто он. Наверное, мама права и я влюбилась в вампира. Надо же, как это, оказывается, просто! Я подняла руку и осторожно коснулась бледной щеки вампира.

— Наверное, так и сходят с ума, — вздохнула я.

— Почему? — Стефан улыбнулся.

— Да кто бы мне раньше сказал, что так будет, я бы популярно ему объяснила, куда ему с такими фантазиями идти, но оно есть, а значит, я сошла с ума.

— А как должно было быть?

— Ну, лично я планировала сразу упасть в обморок и проснуться уже вампиршей, а дальше уж будь, что будет. Но уж никак не сидеть на подоконнике в объятьях вампира. Точно не это, — покачала я головой.

Стефан усмехнулся, притянул меня ближе к себе и снова поцеловал. Я решительно плюнула на все глупые протесты, типа «он вампир», и обняла его в ответ. Интересные ощущения. Целоваться с вампиром — совсем не то же самое что с человеком. Ты не взмываешь в небеса, а наоборот будто падаешь куда-то глубоко, где тепло и тихо, и чувствуешь только его руки, губы... Фиг с ними, с клыками, не мешают... Стефан подхватил меня на руки, и я на себе почувствовала, что такое скорость. Наверное, так же быстро движутся тени.

Стефан бережно посадил меня на кровать и сел рядом, внимательно глядя мне в лицо.

— Ты уверена... — начал, было, он, но теперь я не дала ему договорить.

— Да, уверена, пожалуй, как ни в чем другом.

— Но я ведь вампир, — он видно не верил своим ушам.

— Ну и что?

Он снова обнял меня.

— Мне все равно кто ты. Я познакомилась с тобой и узнала тебя, как вампира, и меня это вполне устраивает... нет, мне это нравится.

Стефан обнял меня крепче, я доверчиво прижалась к нему. Какая мне разница, вампир он или человек, если с ним так хорошо... Я медленно расплела его косу и почувствовала, что освободившиеся пряди легли мне на лицо, щекоча кожу.

— Тебе так нравится? — как-то удивленно спросил Стефан, проводя по мне рукой.

— А не должно? — я немного отстранилась, но кроме сверкающих в темноте рубинов больше ничего не разглядела.

— У людских мужчин не принято носить такие длинные волосы.

— Ну, каждый сходит с ума по-своему. А вообще, им просто лень ухаживать за волосами. А вампирам, зачем длинные волосы?

— Сейчас уже просто по традиции, а раньше по длине волос определялся статус вампира, его силу и ловкость. Чтобы драться с такой вот косищей нужно много уметь, но были вампиры, которые ходили в бой, не убирая волос вообще.

— Значит, ты у меня высокостатусный вампир с запросом на еще более высокую ступень, учитывая, что коса тебе не очень нравится, — усмехнулась я.

— Ну, двести-триста лет назад так и было, — подтвердил Стефан.

— Сколько? — ахнула я. — Ты что, хочешь сказать, что тебе больше трехсот лет?

— А чему ты удивляешься?

— Да это получается, что ты учувствовал в сражении под Кармасом!

— Да, участвовал.

Я немедленно представила себе Стефана в доспехах и с мечом в руках, шлем перекинул в правую руку, а по серебристым доспехам заструились черные волосы, в одном месте перехваченные шнурком.

— Ты чего? — удивленно спросил Стефан.

— Жаль, я тебя не вижу, — пробормотала я и тут же почувствовала, что вампир чуть

наклонился и слева вспыхнул ночник.

Доспехов, конечно, на нем не было, и меч нигде не лежал, но это все легко дорисовывалось. Я собрала его волосы и переложила на одно плечо, напустив часть прядей на лицо. Нет, доспехи надо определенно сделать серебристыми, потому что на черной одежде не видно какие у него красивые волосы.

— Что ты делаешь? — спросил Стефан, улыбаясь.

— Пытаюсь представить себе тебя в доспехах, — честно ответила я. — Думаю, с пуделиными локонами было бы лучше.

— Делька! — Стефан повалил меня на кровать и навис сверху. С тихим шуршанием волосы осыпались по обе стороны от меня, отгородив шелковистым пологом от всего мира. Дальнейшие мгновения слились в одно...

Проснулась я в компании трупа, в чьих объятьях до того заснула, а теперь понежилась. Вот уж с кем удобно спать, так удобно! Не переворачивается постоянно, не перетягивает одеяло, не храпит и не просыпается, что хочешь делай!

— Доброе утро, — тихо сказал Стефан, я и не заметила, что он проснулся.

— Доброе, — я улыбнулась, взглянув на вампира.

Тот, однако, смотрел куда-то в другую сторону, а именно — на окно, откуда просачивался серенький свет пасмурного дня. Полоса света медленно подкрадывалась к кровати и уже осветила мою руку.

— Солнышко, — я провела рукой по простыне, освещенной солнцем, и с сожалением дернула за веревку, зашторивая окно.

— Спасибо, — Стефан нежно поцеловал меня, я прикрыла глаза. Разве плохо быть с вампиром?

— Тебе сегодня, кажется, в суд, — напомнила я. — Так что вставай, как раз есть время, чтобы собраться.

— Жаль, суд послать подальше нельзя. Я бы лучше с тобой остался... — вздохнул вампир, еще раз поцеловал меня и отправился собираться.

Я еще немного повалялась в постели и отправилась завтракать. И когда же я перенесла себе завтрак на три часа дня? Совсем овампириваюсь, скоро и от солнца отвыкну.

— Ну что, тебе сложно просто посидеть? Это же не так уж и долго, — увещевала я Стефана.

— Не сложно, но этот свет! — вампир снова прищурился.

— Ну, прости, я в темноте не вижу. Не щурься! — потребовала я.

— Издеваешься?

— Честное слово, будет на картинке засыпающий вампир!

— Ну, хоть приглуши свет, ну ведь правда глаза режет.

— Потерпи еще минутку, а потом хоть совсем выключай, — сказала я и в последний раз сравнила оригинал и получившийся портрет.

Пара завершающих штрихов и я отложила кисти.

— Все! — свет немедленно потух. Видно он ему хорошенько осточертел. Я направилась к ночнику и наткнулась на вампира. — Про «совсем выключай», я, конечно, погорячилась. Хоть какой-нибудь свет мне все-таки нужен, — сообщила я ему. Загорелся ночник, а вампир уже стоял у меня за спиной и рассматривал новую картину. — Ну и?

— Тебе все-таки стоит подумать о работе художника, — сказал он.

И это все? А где же «ты так здорово передала атмосферу» и «ты нарисовала совсем не то», где «как будто фотография» и «да ни капли на меня не похоже»? Ну, хоть какие-то комментарии.

— А почему серебристые? — вожделенный комментарий был пропущен мимо ушей и переспрошен.

— Не знаю, захотелось. А какие были? — спросила я, запоздало, сообразив, что об этом нужно было спрашивать несколько раньше.

— Да такие и были, только плащом сверху черным скрыты.

— Значит, я угадала, — обрадовалась я.

— Угадала, — кивнул Стефан и приобнял меня сзади. — Ты замечательно рисуешь, но почему день?

Я удивленно уставилась на картину. А ведь и вправду день. Вот ослица!

— Ну, подумаешь, слегка убила, — мило улыбнулась я, Стефан тихо рассмеялся. — Знаешь, вампиров проще рисовать Белыми красками на темном листе, уж точно не забуду, что нужна ночь, а не день.

— Тебе купить черной бумаги? — осведомился Стефан.

— А ты хочешь, чтобы я продолжила издеваться над бедными вампирами?

— А почему издеваться? У тебя очень хорошо получается, ну, за исключением времени суток.

— Ладно, поправлю я день. Темным по светлому хорошо рисуется, — пообещала я.

— Да зачем? Оставь. Хоть на картине вампиры увидят солнце, раз уж в жизни никак.

— А ты что, никогда не видел солнца?

— Настоящего — нет, — покачал головой Стефан.

— Как можно за триста лет ни разу не видеть солнце? — поразила я.

— Ну, ты же не видишь в темноте. Я тоже не представляю, как это так, ничего не видеть ночью, — пожал плечами вампир.

— Хм... интересно, что же видят в темноте вампиры.

— Ну, мне тоже интересно, как же все-таки выглядит солнце. Но ты можешь увидеть ночь, а я вот солнце точно никогда не увижу.

— Увидеть ночь? Звучит интересно.

— Все обращенные восторгаются ночным зрением. Говорит, что люди такого никогда ни за что не увидят.

— А что они про солнце говорят? — заинтересовалась я.

— Много хорошего. Да, Дели, им его не хватает.

— Обмен солнца на возможность видеть ночью, — пробормотала я.

— Дели, вампиром быть не так уж и плохо, — сказал Стефан.

— Да я верю, но зачем тебе, чтобы я непременно была вампиром? — я повернулась к нему. — Что плохого в том, что я человек?

— Ничего, кроме того, что ты смертна.

— В смысле? А вампиры, что бессмертны?

— Да, потенциально бессмертны.

— Надо же, раньше не слышала, — задумалась я. — Но я не мечтаю о бессмертии, меня вполне устраивает моя жизнь, пусть и короткая.

— Вот именно, короткая, — вздохнул Стефан.

— Да ладно тебе. Лучше же, что короткая. Другую потом найдешь.

— Не найду, — покачал головой вампир. — Вампиры любят один раз.

— Что, прямо один раз за всю свою потенциально бессмертную жизнь?

— Да, поэтому и браков так мало, — кивнул Стефан, выпустил меня из своих рук и подошел к окну, смотря куда-то в темноту, видимую одному ему.

Нет, он что, серьезно? Как такое вообще возможно? Да влюбиться — это же раз плюнуть, разочароваться еще быстрее, любить всю жизнь гораздо сложнее. Вечно у вампиров все не как у людей! А кто сказал, что должно быть как у людей? Вот ведь головоломка...

— Стефан?..

— Да, вот такие вот вампиры нелюди, — будто прочитав мои мысли, сказал он. А может и впрямь прочитал, кто его знает...

— Но ведь это абсурд. Как может вампир полюбить человека? — я всплеснула руками.

Вампир молчал, а потом вдруг заговорил:

— Я увидел тебя где-то год назад. Лил дождь, ты куда-то спешила, поправляя на плече футляр с рисунками и попеременно перехватывая зонт. Потом я встретил тебя на Яринском мосту. Ты рисовала. Черная луна в ярком ореоле на небе, лиловые тени от звезд и мыльные разводы воды. Ты была так увлечена, что не заметила меня, а я долго смотрел на черную луну. Тогда я всерьез тобой заинтересовался. Потом ты много времени проводила вне дома. Я встречал тебя на улицах, в парках, у реки, в лесу. Я часто за тобой наблюдал, пока...

Вампир сидел на подоконнике, прислонившись к стеклу, склонив голову, занавесив часть окна волосами.

— Черная луна в ярком ореоле... — усмехнувшись, пробормотала я, вспоминая тот день. — Это затмение солнца.

— Оно так выглядит? — Стефан поднял голову.

— Ну, да примерно, — кивнула я. — Поздним вечером в сентябре я возвращалась с творческой ассамблеи и по дороге за мной увязались два амбала, а потом я видела, что их кто-то остановил. Это был ты?

— Да, я, — кивнул вампир.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Мне это не сложно, вампирам не нужно опасаться ночных жителей. Мы сами ночь.

Повисла тишина.

«Дели, вампиром быть не так уж и плохо», — вспомнила я его слова. Но ведь человеком тоже не плохо? Почему непременно вампиром? «Вампиры любят один раз». Зачем же им даровали такую длинную жизнь, если они даже на краткое время не могут быть счастливы? Почему нельзя просто полюбить и быть любимым, почему нужно обязательно если уж полюбить, то раз и навсегда. Зачем все эти сложности? Почему нельзя просто влюбиться, почему обязательно на всю жизнь? А что, если влюбишься, и любовь не ответит? А если умрет? Что же, получается, на всю свою бессмертную жизнь вампир остается один? «Поэтому и браков так мало». Ой, да что же тут хорошего — быть вампиром? Почему нельзя быть собой? Да еще и вся эта процедура с назначением... Хотя, если бы не она, я бы никогда не узнала, кто такие вампиры, никогда не познакомилась бы со Стефаном. Выходит, все это специально придумано, для ненормальных вампиров, выбравших себе в спутники жизни людей. И что же, я должна стать вампиршей?

— Стефан, ну зачем? — не выдержала я. В этом вопросе заключались все мои

переживания и мысли.

— Я не знаю, — тихо ответил вампир. Кажется, он все-таки читает мои мысли.

— Ну, хорошо, допустим, стану я вампиршей. И что дальше? Что будет дальше? Люди от меня будут шарахаться, солнце станет для меня смертью, зато кровь — хлебом насущным. Я стану такой же как ты, и что дальше? Полностью перейду на ночной образ жизни, стану рисовать ночные пейзажи, жить с тобой, потом выйду за тебя замуж...

— Ты и так замужем за мной, — сказал Стефан.

Я уставилась на вампира, как будто увидела его в первый раз.

— Да? Это когда же я успела?

— В самый первый вечер. Помнишь церемонию передачи?

— Нет, не помню, — сказала я, ошарашено уставившись на черный перстень, который мне надели на руку как раз на церемонии. Это, оказывается, не метка инициированных вампиров, а обручальное кольцо! — Обалдеть, я уже успела выйти замуж за вампира!

— Ты что, правда, ничего не помнишь?

— Нет, ничего. Мне тогда не до того было, — ответила я. — Надо же, я не помню день собственной свадьбы. Но зачем все это? Назначение, церемония, свадьба? Кажется, свадьбу по договоренности отменили еще в прошлом веке!

— Вампирам запрещено вступать в какие бы то ни было отношения с людьми, вмешиваться в их жизнь и так далее. Это утверждено совместной межрасовой конвенцией, так захотели люди. Исключение составляют только брак. Люди пошли на уступки вампирам, разрешив межрасовые браки по договоренности, только назвали почему-то назначением и церемонией. На самом деле все гораздо проще. Просто однажды один непутевый вампир взял да и влюбился в дочку председателя смешанного Комитета, пришел и объяснил ему все как есть. Тот оказался мужик нормальный, к вампирам привыкший и о нас много знающий. Познакомил он свою дочку с этим вампиром, да и выдал за него замуж. И все бы хорошо, да только девушка эта, так же как и ты, не хотела быть вампиршей, осталась человеком и вскоре умерла, оставив вампира ждать знака. После этого и был учрежден закон о межрасовых браках по договоренности, чтобы обращение человека в вампира было законным и вампиры не оставались в гордом одиночестве, после смерти людей. Вот и все.

— А что за знак? — заинтересовалась я.

— Да, вообще-то, эта история Исиндара и Менты вошла в легенды. По ней перед смертью Мента сказала, что Исиндар увидит ее снова вместе с солнцем, а, чтобы он не пропустил этот момент, ему будет послан знак.

— Какой?

— Никто не знает, — развел руками Стефан. — В легенде говорится, что знак будет сложно не увидеть и не понять, и что, когда он появится, все вампиры смогут увидеть солнце своими глазами и не сгореть. Но это только легенда.

— Ну и что, все равно интересно. И что же Исиндар?

— Ждет, — пожал плечами Стефан.

— Он все еще жив? — удивилась я.

— Конечно, жив, и я даже с ним знаком. С тех пор прошло всего двести лет.

— А, ну да, для вампира это смешной срок, — спохватилась я и задумалась.

— Дели, я надеюсь, ты с Менты пример брать не будешь? — спросил вампир, и что-то в его голосе мне не понравилось. Я перевела на него взгляд и остолбенела. Передо мной сидел абсолютно потерянный, отчаявшийся вампир, с тоской смотревший на ненавистный мир.

— Я... Стефан... но... — слова застряли где-то на уровне не оформившейся мысли.

— Дели, я люблю тебя! Я не знаю, что будет, если ты умрешь... — железная ручка со звонким звяком оторвалась от окна и смялась в руке вампира.

Какого черта я тут себе думаю? Мне предлагают стать вампиром, многие бы этого хотели, если бы знали, как дела обстоят на самом деле. Мне предлагают долгую жизнь с вампиром, который меня любит, с вампиром, который будет любить меня всегда и только меня одну. Разве такая уж большая цена — стать вампиршей?

— Я согласна, — тихо сказала я и сама испугалась своих слов.

— Что? — удивленно вскинул голову вампир.

— Стефан, я согласна стать вампиршей, — громко и четко сказала я, что бы не соблазняться отступлением.

— А... ты?... — Стефан соскочил с подоконника и мгновенно оказался рядом со мной.

— Да, — кивнула я, отменяя последние сомнения. — Завтра, когда сядет солнце.

Пути назад не было.

— Дели... — Стефан с силой прижал меня к себе, а потом принялся целовать, как безумный.

Сегодня я встала рано и тут же подошла к окну. Дежавю. Так же начинался день накануне церемонии, с той лишь разницей, что теперь уже никаких вариантов быть не могло. Я сама дала согласие. Вот только вчерашнее решение теперь не казалось мне таким уж единственно верным. Однако все такие мысли я отмела прочь. Я решила, значит, так будет, и, вздохнув, я направила свой взгляд на залитую солнцем улицу, на переливающий в его лучах снег, на заснеженные деревья, на морозное утро. Солнце... сегодня, видимо, я вижу тебя действительно в последний раз, и все твои блики, яркие пятна, светотени и полутона — все это станет для меня запретным.

Я сидела на подоконнике, рассыпав по нему мелки, и выводила морозные узоры на листке. Солнце медленно садилось, окрашивая все вокруг в золотые и красные тона. Темнота уже забралась в углы комнаты. Я отложила листок и всмотрелась в эту темноту. Что же такое там могут видеть вампиры?

— Дели? — на пороге стоял Стефан

Я и не заметила, как солнце село. За окном были серые сумерки. Это теперь мое время суток. Я повернулась к Стефану и грустно улыбнулась, он подошел ко мне и встал рядом.

— Ты не передумала?

Я покачала головой, вновь пытаюсь проникнуть взором в темноту.

— Но ты ведь... — вампир понурился.

— Стефан, а как это будет? — спросила я, бросив бесполезное разглядывание темных углов.

— Что? — растерялся вампир.

— Обращение. Как я стану вампиром?

— Просто постепенно изменишься. Может быть, ты уже завтра проснешься вампиршей, а, может быть, окончательно станешь ей только через неделю.

— А внешне я как-то изменюсь?

— Да, но не очень. Ты же видела Гарнса.

Я взглянула в зеркало и представила себе себя с бледной кожей и красными глазами. Н-да, зрелище на любителя.

— Дели, не бойся. В обращении нет ничего страшного, тебе не будет больно, я тебе обещаю.

— Да я не боюсь, — я покачала головой. — Просто, наверное, лучше знать заранее, хотя, с другой стороны, зачем?

Я соскочила с подоконника и встала рядом со Стефаном.

— Ты согласилась, но ведь ты этого не хочешь, — безапелляционно заявил вампир.

— Почему?

— Я чувствую, что тебе тяжело.

Я усмехнулась. Хоть раз не угадал, о чем я думаю.

— Да, тяжело. Тяжело попрощаться с солнцем, поставить крест на прежней своей жизни, но остаться человеком и жить с осознанием того, что из-за моего упрямства ты останешься один, еще тяжелее. Жизнь сложилась так, что приходится выбирать, и я выбрала, но это не значит, что мне будет легко забыть о другой возможности. Я выбрала тебя, потому что... тоже тебя люблю.

— Не бойся, — прошептал Стефан, нежно обнял меня за плечи и поцеловал. Но я и так не боялась, я полностью ему доверяла.

Он провел рукой, отводя волосы, коснулся губами шеи. Клыки едва ощутимо оцарапали кожу и в следующее мгновение впились мне в шею. Я не вскрикнула, не вздрогнула, лишь чуть сильнее сжала плечи Стефана. Собственно, я думала, будет больнее. Стефан провел языком по свежим ранам, и боль ушла совсем, осталось только нежное прикосновение губ к коже. Я закрыла глаза, забывая обо всем на свете. Мне стало все равно, что будет, было вполне достаточно того, что Стефан рядом. Наверное, я и вправду его люблю...

Когда я проснулась, было еще темно. Нет, это просто шторы плотно задернуты, только у самой стены пробивается тонкий лучик солнца. Значит уже день. Странно, я вроде бы шторы не задергивала. Повернувшись на другой бок, я уткнулась носом в прядь черных волос. Так вот кто закрыл окна. Я поудобнее пристроилась рядом с вампиром и подскочила на месте. Так я же теперь и сама вампир!

Чисто машинальным жестом я провела по шее и, вскочив с кровати, подбежала к зеркалу. Вспыхнул свет, и я, пытливо взглянув в его глубины, так и не нашла ни одного отличия от привычной картины. Даже вчерашние укусы, и те как-то успели уже зажить. Интересно, это вампирья регенерация или укус вампира сам по себе недолговечная рана? Я в растрепанных чувствах уселась на кровать. Мне что, правда, неделю ждать, когда клыки отрастут?

— Доброе утро, — Стефан коснулся моей руки.

— Доброе утро, — кивнула я, оборачиваясь. Стефан осмотрел меня так же внимательно как я до того зеркало. — На твой взгляд разницы тоже нет?

— Да, честно говоря, действительно нет, — озадаченно ответил вампир.

— А возможно такое, что я не стану вампиром? — спросила я.

— Нет, это исключено, — покачал головой Стефан. — Всякое может быть, но чтобы укус вообще никак не сказался, такого быть не может.

— Ну, значит надо подождать, — вздохнула я.

И подождала. Я честно ждала целый день, перебарывая в себе желания отдернуть шторы, но так ничего и не изменилось. Только ближе к вечеру, я почувствовала хоть какие-то изменения в себе. У меня почему-то стала ныть шея. Я задумчиво потерла шею, наконец,

подходя к окну и отдергивая шторы. И зачем я ждала заката? Ничего не изменилось, лучше бы сразу проверила, есть ли ожоги от солнца или нет.

Я услышала щелчок двери. Это вернулся Стефан. Ну вот, я овампирилась — завтракаю вечером, сплю днем, а он очеловечился — на работу днем ходит, ест как человек. Я подождала минутку и почувствовала привычный запах Вель-саяжа.

— Привет, — сказала я, чувствуя знакомые руки на талии. — Сбежал с работы?

— Да ну их. Убежал я оттуда, как только этот суд кончился, — ответил Стефан, прижимая меня к себе.

— Лафишь, значит, потихоньку, — усмехнулась я. — Вот они там, наверное, удивились.

— Они в курсе, что я женился, — как всегда спокойно и точно ответил вампир.

— Бедные, наверное, до сих пор в недоумении, — хихикнула я и повернулась к нему.

Тот неожиданно отстранился и удивленно посмотрел на меня.

— Что?

Стефан молча подвел меня к зеркалу, где я увидела до боли знакомую физиономию, только сильно побледневшую и с ярко-алыми глазами.

— Вот это да, — поразила я. — А что, мне идет! Я думала, будет хуже, — я развернулась к Стефану. — Ну, вот вам и вампирша, как заказывали.

— Дели, да перестань. Ты для меня всегда будешь самой лучшей, кем бы ты ни была, — заверил меня Стефан. — Ну, что ты вправду?

— Да, я не о том, — я покачала головой и улыбнулась. — Наоборот, радуюсь, что ждать теперь не надо. А кто-то мне что-то про ночное зрение говорил!

— А ты заметь, что свет-то не горит.

— И вправду.

Я обвела комнату взглядом. Свет не горел, но видела я все прекрасно. Нет, не прекрасно, как-то по-другому... Я прекрасно осознавала, что в комнате по-прежнему темно, изменившиеся глаза не прибавляли света, но он был и не нужен. Я видела все предметы отчетливо. Цвета были яркими, как днем, но вот никакой тени или блика я не видела. Не было у предметов ни светлой стороны, ни темной. Я просто видела их, как есть, как будто свет лился со всех сторон и ни откуда. Очень странное ощущение, как будто на глаза надели какие-то мудреные очки, только очков не было, да и мир не изменился. Просто я стала видеть по-другому.

— Надо же, как интересно, — я обошла всю комнату, выглянула в окно. — Нужно обязательно попробовать нарисовать! С таким видением можно смело рисовать и ночные картины, не боясь заполнить весь лист черным цветом. Здорово!

Стефан все это время наблюдал за мной, с какой-то умиротворенной улыбкой сумасшедшего.

— Я рад, что тебе нравится, — сказал он.

— Интересно, а что со светом?

Возжелав экспериментов, я щелкнула выключателем и тут же прищурилась. Ничего себе, как неудобно со светом. Это я Стефана заставляла все это терпеть! Да я, оказывается, скрытая садистка. Я сменила верхний свет на ночник. Вот так вполне терпимо. Я осмотрела комнату и пришла к выводу, что при свете вампирье ночное зрение становится очень похожим на человеческое в темноте. Там, где на предметы падал свет, они теряли четкость, цвет и сливались в одно сплошное светлое пятно. Ну, что ж, раньше я рисовала темные стороны, теперь, похоже, буду рисовать то же самое только светлыми красками. Если люди

не видят тени, то вампиры блики. Надо же! Раньше я не видела в темноте, а теперь в «светлоте». Я выключила ночник и снова увидела мир в лунном свете. Он и впрямь какой-то фиолетовый, как и говорил Стефан.

Чуть позже я поняла, каким образом вампиры перемещаются так быстро. Я успела поймать книгу в пяти сантиметрах от пола! Нет, я, конечно, не могла перемещаться так быстро как Стефан, он все-таки потомственный вампир, к тому же воин, но и того было вполне достаточно. Потом у меня прорезалось вампирское чутье. Теперь мне и зрение не особенно было нужно, я каким-то местом чувствовала окружающее меня пространство. Я точно знала, что, где и как лежит. К своему немалому удивлению, я совершенно точно чувствовала и Стефана, только не так как остальные предметы, скорее как нечто нематериальное, эмоции, колыхания ауры. Так вот как он угадывал мои мысли!

Регенерацию проверить мне так и не довелось, так что пришлось ограничиться заверением Стефана, что регенерация — это самое первое, что появляется у человека, поэтому и укус исчезает к утру. А вот клыки у меня так и не появились, сколько я не проверяла ровность зубов языком. Ну, не все же сразу. Утешало одно, пока нет клыков и кровь пить нет нужды. Может, они и не появятся? Но мечтать не вредно...

Спать мы улеглись только ближе к утру. Вампирам не нужен полноценный ночной, то есть дневной отдых, так что, став вампиршей, мне тоже стало вполне достаточно трех-четырёх часов сна. А вот засыпала я, хоть и в объятьях любимого вампира, но все же с содроганием. Это в какое же страшилище я превращусь, когда усну?

Утро пришло очень быстро, но я хорошо выспалась и была готова к новому трудовому дню, точнее, к половине дня и полной ночи. Я повернулась и поцеловала мужа. Ну да, теперь уж он мне точно муж...

— Эх, это мне теперь тоже дома полдня сидеть, — вздохнула я, улегшись Стефану на плечо.

— Не обязательно. Надень плащ и можешь идти на улицу, — возразил он, — но это, конечно, опасно.

— Да ерунда это, в плаще на улице разгуливать. Толку-то с того? — вздохнула я и, поднявшись, отправилась умываться.

Я уже полностью оделась и допричесывалась, когда мой взгляд, наконец, упал на зеркало. До того, я старалась в его сторону даже не смотреть. Все равно красные глаза на месте желто-зеленых и аристократическая бледность вместо смуглой кожи были мне, мягко говоря, не привычны. Однако теперь я жалела, что не посмотрела в зеркало, сразу же, как встала. Когда и почему все вернулось на свои места? Почему я снова выгляжу как человек, да и чувствую себя как человек?

— Стефан! — позвала я, озабоченно прощупывая комнату, и осознавая, что все вернулось на свои места, будто ночи и не было.

— Знаешь, Дели, все-таки странно, что мы с тобой живем в разных комнатах, — сказал Стефан, заходя ко мне. Он был еще не до конца одет и с распущенными волосами. — Эта комната, конечно, так и останется твоей, но все-таки лучше, тем более что для тебя теперь тоже солнечный свет небезопасен, если ты...

— Да, конечно, — кивнула я, не дослушав до конца. Я и так поняла, к чему он клонит. — Только ты посмотри на меня! — Я стремительно обернулась к нему. — У меня не глюки на нервной почве? Я что, снова человек?

По вытянувшемуся лицу Стефана я поняла, что глюками тут и не пахнет. Но что же тогда? Быстрый взгляд в зеркало и меня пронзила догадка. А что если?.. Я бросилась к окну и застыла перед шторами.

— Дели, что ты делаешь?

— Если у меня плохо с головой, то мне об этом скажет хороший ожог, если же не с головой... — скорее для себя сказала я и взглянула на Стефана. — Уйди в тень!

— Дели! — предостерегающе начал вампир, но было уж поздно.

Я одним рывком отдернула штору и зажмурилась от яркого света, от которого успела отвыкнуть за прошедшее время. Секунда, две, три, сердце забилося в нормальном ритме, но боли все так и не было. Я открыла глаза и увидела привычную картину залитого солнцем двора, солнце и не подумало обжигать меня, а лишь ласково пробегало по коже своими теплыми лучами.

— Стефан! Солнце мне не страшно! — я обернулась к вампиру. — Я почему-то снова стала человеком!

— Нет, ты вампирша, — ошарашено покачал головой муж. — Я чувствую тебя, так же как и вампира, но не как человека. Да и не можешь ты снова стать человеком.

— Значит, я ненормальный, дневной вампир! — рассмеялась я и, бросив взгляд во двор, сорвалась с места и бегом отправилась на улицу, на ходу застегивая пальто.

— Делия!

Но я уже выскочила из подъезда на хрустящий снег.

— ДЕЛИ! — Стефан застыл на пороге подъезда, прячась от солнца.

— Стефан, я не горю! Я спокойно могу находиться на солнце! — совершенно счастливо воскликнула я.

Стефан несколько раз изменился в лице и неожиданно просветлел, взглянув на меня новыми глазами.

— Знак Менты, — пробормотал он. — Неужели это он?

— Что? Что ты имеешь в виду? — я сделала шаг к нему.

— Подожди, — предупредил мои шаги, Стефан. — В легенде сказано, что, когда появится знак, все вампиры смогут увидеть солнце, не боясь сгореть.

— Стефан, я надеюсь, ты не собираешься тоже выходить во двор?

Нет, просто так выходить он не собирался. Сначала он вытянул руку, и так и не дождавшись никаких изменений, вышел целиком. Вот и получился Стефан, стоящий у заснеженной лавочки при свете солнца в одной рубашке, спрятавший руки в карманы брюк, довольно шурящийся, и улыбающийся.

— А ты говорил, что зимой, на улице, днем, в одной рубашке ты быть не можешь, — рассмеялась я.

— Я так думал, — кивнул вампир и оказался рядом со мной.

— Иди, оденься.

— Бог с ним, — отмахнулся Стефан. — Я еще ни разу в жизни не простужался, когда-то же надо начинать.

— Ты так себе полный набор осложнений к простуде зарабатываешь, — покачала я головой.

Тут на балконах стали появляться закутанные в плащи вампиры и удивленно смотреть на нас со Стефаном. Со всех сторон доносилось «Знак Менты», «Исиндар дождался». За несколько секунд вокруг нас со Стефаном образовалась толпа вампиров, опасно

снимающих с себя черные плащи и щурящихся на свету.

— Надо же, предсказание все-таки сбылось, — хмыкнул Стефан, осматривая собравшуюся толпу. Кажется, здесь собрался ведь вампирский квартал!

Неожиданно вампиры посторонились, пропуская кого-то вперед. Перед нами остановился незнакомый мне вампир с грустными малиновыми глазами и орлиным носом, сильно выдающимся вперед. Он приветственно поклонился Стефану и повернулся ко мне.

— Так вот ты какой — знак, обещанный Ментой, — несколько хриплым голосом сказал он. — Укажи же мне, где искать ее!

Я удивленно уставилась на вампира, сцепив руки. Солнечный луч скользнул по граням бриллианта и, отразившись, изобразил стрелу. Или мне это только померещилось. Вампир немедленно повернулся в ту сторону и зашагал в указанном направлении.

— Это что, Исиндар? — спросила я у Стефана.

— Да, это он.

— И куда он пошел?

— Ты разве не видела луч, указавший ему направление?

— Видела, но это ведь всего лишь отблеск.

— Нет, — покачал головой Стефан.

Я задумалась, а потом направилась вслед за Исиндаром. Я прошла двор насквозь и увидела его стоящим в нескольких метрах от лавочки, за которой сидела молоденькая девушка, кутавшаяся в пальто.

— Мента? — позвал Исиндар.

Девушка шарахнулась в сторону и с ужасом уставилась на вампира, не решаясь пошевелиться. Исиндар тоже почему-то застыл, как громом пораженный. Я поняла, что еще пара мгновений и девушка упадет в обморок, а Исиндара видимо хватит удар.

— Эй-эй, не бойся, — я поскорее подошла к девушке. — Не бойся. Тебе ничего не угрожает.

Увидев меня, единственного человека во все честной компании, которая пришла вслед за мной к лавочке, девушка немного пришла в себя и повременила с обмороком.

— Тебя как зовут?

— М-милисента, — слегка заикаясь, сказала она.

— Что же ты, Милисента, здесь делаешь?

— Я... я только приехала, а он меня обманул. Мне некуда было идти, и я пришла сюда, — несчастным голосом сказала девушка и тут же затараторила. — Здесь никого не было, и я решила здесь посидеть. Я не знала, что это квартал вампиров! Правда не знала, я в городе три часа.

— Тише-тише, — улыбнулась я. — Ну, не знала и не знала. Ничего страшного!

— Как это не страшно? Здесь же вампиры!

— Ну и что? — искренне удивилась я. — Не бойся. Никто тебя не тронет. Ты же знаешь закон.

— Так то закон, а тут его нет, — пренебрежительно сказала Милисента.

— Не бойся. Никто тебя не тронет, — еще раз повторила я.

Девушка с сомнением посмотрела на меня и на собравшуюся толпу.

— Мента? — это, наконец, ожил Исиндар.

— Почему он так странно ко мне обращается? — почему-то у меня спросила девушка.

— Ну, наверное, ты похожа на Менту, — предположила я.

— Да, очень, — подтвердил Исиндар.

— Но ведь я не вампирша.

— Мента тоже не была вампиршей. Она была человеком, его женой, — я кивнула в сторону Исиндара. — Давай лучше он тебе сам расскажет, а то я не совсем в курсе дел.

— Не-е-е-е, — протянула девушка, вцепившись мне в руку.

— Да, не бойся ты. Не съест он тебя. Что ты вправду? Я тебе честно слово даю, не съест и даже не попробует.

— Откуда тебе знать? — резонно заметила Милисента.

— У вампиров сегодня праздник, они в первый и единственный раз увидели солнце, — сказала я.

Девушка с сомнением покосилась на меня.

— Но ведь они же сгореть на солнце должны.

— Не сегодня.

— А почему?

— А это ты лучше у Исиндара спроси. Он тебе лучше объяснит. Я сама толком не знаю, — я осторожно потянула девушку за собой, подводя ближе к вампиру, с благоговением ожидавшего исхода беседы.

Девушка не особенно и сопротивлялась. Смелая и любопытная оказалась! Я высвободила свою руку и собралась отойти, но девушка инстинктивно потянулась за мной.

— Милисента, он людей не съест, — улыбнувшись, напомнила ей я.

Девушка немного поколебалась, глядя то на меня, то на Стефана, к которому я отошла, но потом, видимо, все-таки собралась с силами и посмотрела Исиндару в глаза.

— Правда, не съешь? — на всякий случай уточнила она.

— Нет, не съем, — подтвердил вампир.

— И даже не укусишь?

— Я надеюсь, что ты согласишься в этот раз, — совершенно серьезно сказал Исиндар.

— Соглашусь в этот раз? — удивилась Милисента.

Я потянула Стефана за собой. Контакт налажен, дальше лишние зрители только помеха.

— Ну что как в зоопарке? Людей, что ли, не видели? — усовестила я вампиров. — Пойдемте отсюда.

Мы вместе с остальными вампирами вернулись к подъезду.

— Так вот, как выглядит твое солнце? — спросил Стефан, обнимая меня и глядя вперед, на яркое светило.

— Да, так, — кивнула я, прижимаясь к нему. — Только иди все-таки оденься!

Мы гуляли весь день, а завтра Стефан все-таки заболел, впервые за свои триста с хвостиком лет. Сколько было восторгов!

Больше книг на сайте - Knigolub.net